

ЭЛЛА
САВИЦКАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МОЛЧИ О НАС

Элла Савицкая

Молчи о нас

«Автор»

2023

Савицкая Э. А.

Молчи о нас / Э. А. Савицкая — «Автор», 2023

Я безумно влюбилась в него три года назад. Мужественный, красивый, умный. Близкий знакомый моего отца. Тогда он не разделил моих чувств и уехал, несмотря на то, что произошло между нами одной ночью. Сейчас моя жизнь в опасности. Мне угрожают, обвиняя в махинациях, о которых я ничего не знаю. Одни требуют деньги, а другие обещают наказать по закону. Мне не у кого просить помощи, кроме как у него. Потому что именно он ведет мое дело.

© Савицкая Э. А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Маша	5
Глава 2	9
Дамир	9
Глава 3	13
Маша	13
Глава 4	16
Маша	16
Глава 5	19
Маша	19
Глава 6	22
Маша	22
Глава 7	26
Маша	26
Глава 8	29
Маша	29
Глава 9	33
Дамир	33
Маша	35
Глава 10	37
Маша	37
Глава 11	42
Дамир	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Элла Савицкая

Молчи о нас

Глава 1

Маша

– Немедленно скажи мне пароль, Валера! – чувствую, как ногти впиваются в ладонь от силы, с которой я от безысходности сжимаю кулак.

– Зачем? Разве так твоя страничка не выглядит лучше? – ядовито доносится в ответ из динамика. – Ты мне спасибо должна сказать, Белова. Никому не были интересны фотки твоих картин. А вот те, что сейчас выкладываю яяя... Заметила, сколько лайков? Как сейчас помню, как ты позировала мне. Жаль, не разделась до конца, народ бы заценил.

Сволочь! Зажмуриваюсь, стараясь не думать о том, сколько людей уже поглазело на меня жизнерадостно улыбающуюся в камеру моему бывшему. Тогда я была счастлива. Стояла утром на кухне в его рубашке на голое тело, жарила для нас сырники, а он подошел и сказав, что я выгляжу чертовски сексуально, начал фотографировать. Я шутливо спустила с плеча ткань и пару раз попозировала, наивно полагая, что эти снимки останутся только в его телефоне. Тогда, полгода назад, когда я еще не знала, какой на самом деле Панфилов подонок.

Узнала я его настоящую сущность только после того, как мы расстались. А сегодня он превзошел самого себя, взломав мой профиль в соцсети и опубликовав эти фотографии с подписями якобы от моего лица. Да такими, что мне от стыда провалиться сквозь землю хочется.

Стараясь не показать ему, насколько мне больно и гадко от его поступка, шумно сглатываю ком в горле. Там нет откровенных фото, все вроде бы прилично, если не считать того, что в целом я отличница и никогда никому не давала повода считать себя развратной. А после тех комментариев, которыми Валера подписал фотографии, я именно такой теперь себя и ощущаю.

– Валера, удали все сейчас же! Как ты мог вообще это сделать?

За окном раздается мощный раскат грома, но я даже не вздрагиваю. Я потрясена и разбита поступком человека, в кого еще какое-то время назад была влюблена и который сам казался таким же влюбленным по уши.

– Ты же не захотела ко мне вернуться. Вот я и подумал, почему бы не поделиться этими фотками с другими? Видела, сколько человек уже на тебя подписалось? Я, можно сказать, одолжение тебе сделал. В комментариях даже требуют продолжения фотосессии. Устроишь им, Белова?

Скотина! Скидываю вызов и со злостью бросаю телефон на кровать. Оседаю на покрытие следом за ним и роняю в ладони лицо.

Боже, какое унижение! Как я завтра в глаза всем буду смотреть в университете? Ведь эта новость разлетится, как тополиный пух в начале июня, и уже завтра слово «развратная» покажется мне райским елеем в сравнении с тем, какие еще ярлыки на меня навесят.

Комнату озаряет свет молнии, которую спустя пару секунд догоняет гром. Весь день сегодня льет как из ведра. Вероятно, Панфилов не нашел чем занять свой выходной в такую погоду и решил развлечься за мой счет.

Провожу дрожащими ладонями по щекам. Не плакать, не плакать, не плакать! В конце концов, народ в университете и похлеще отчебучивает. Вот только дело не в том, что творят они, а в том, что сейчас темой номер один стала я. И самое ужасное – получила такое от чело-

века, в которого когда-то была влюблена. Встаю с кровати и нервно меряю комнату шагами. Меня душит злость вперемешку с отчаянием.

Хоть бы родители не увидели! Их примерная дочь, образец для подражания теперь как произведение искусств в музее, на которое можно смотреть сколько вздумается. А если представить, что подписи под фото оставила именно я... мама дорогая!

Порыв ветра сквозняком открывает дверь, и до меня доносится настойчивый стук с первого этажа. Замираю. Кто мог прийти в такое время? Одиннадцать вечера на часах.

Может, родителям удалось добраться до дома?

Срываюсь с места и, стирая со щек следы успевших выступить слез, спускаюсь вниз. Бросаю беглый взгляд на себя в зеркало. Глаза немного красные, но в целом не должны заметить.

Подхожу к двери и вздрагиваю, потому что по ней еще несколько раз с силой ударяют. Ключи что ли потеряли?

Щелкнув замком, распахиваю дверь. Первый порыв – захлопнуть обратно. Что я и делаю, потому что на пороге оказывается незнакомый мужчина, ростом на полторы головы выше меня. Но испугал меня не его рост. Взгляд карих глаз, довольно жесткий и суровый. Понадобилась секунда, чтобы меня пробрало от него до самых костей. Вот только дверь мужчина ловит на лету и, надавив на нее, заставляет меня отодвинуться. Делает шаг на порог.

Боже... У нас и брать-то нечего, если это вор.

– А ты гостеприимная, Маша, – вдруг произносит он без тени улыбки, заставляя меня слегка ослабить давление на дверную ручку и нахмуриться.

– Извините, а Вы кто?

Первый испуг проходит. Если ему знакомо мое имя, значит, я должна знать этого человека. Вот только такого мужчину я вряд ли бы забыла. Всматриваюсь в лицо, внезапно начинающее казаться очень смутно знакомым, но вспомнить, где я его видела, не получается.

Высокий лоб, мужественный подбородок, черная щетина, по которой обильными дорожками стекают капли дождя, четко очерченные губы и взгляд... Будто смотрит не на меня, а прямо мне в голову. Внутри начинает вопить сирена, предупреждая об опасности, потому что среди наших знакомых я этого человека не припоминаю. Таких мужчин не забывают, даже если постараться. У него слишком многоговорящая внешность, чтобы просто стереться из памяти.

– А отец тебя не предупреждал о моем приезде?

Предупреждал? Отец? Ох, чееерт!

– Дамир Маратович? – вырывается у меня прежде, чем догадка звонко хлопает меня по ушам.

Какой кошмар! Из-за этих фотографий я совершенно забыла о просьбе отца встретить его близкого знакомого, который как раз сегодня должен был приехать.

– Все же предупредил, – хмыкает мужчина. – Войти позволишь или будешь еще раз дверь в лоб целиться?

Щеки густо краснеют, и я тут же отступаю в сторону. На пол опускается черная спортивная сумка, а следом за ней в коридоре оказывается и гость. Не сказать, что он представляет из себя грудку перекаченных мышц, но пространство как будто физически уменьшилось, стоило ему оказаться внутри.

Перевожу взгляд на стену, где среди других семейных фотографий есть снимок папы с Дамиром Маратовичем. Там он лет на десять младше и почти не похож на себя. Отец часто рассказывает о нем, ведь этот человек регулярно помогает нам материально, но последних его фото я не видела. Да и вообще знаю о нем только то, что он служит в полиции и что отец к нему питает самые теплые чувства благодаря их общему прошлому.

– Извините, пожалуйста, я немного закрутилась и забыла о вашем приезде. Вы разуйтесь, проходите. Только вот родителей нет.

– Знаю, – проведя широкой ладонью по своим коротким волосам вперед, струшивая воду, гость снимает черные спортивные туфли. – Иван звонил мне, сказал, что они застряли в мотеле.

– Да. Завтра будут пробовать добраться до дома, но сегодня в ночь уже никак. Вы, наверное, раздеться хотите? – спохватываюсь, понимая, что вся его одежда насквозь промокла.

Сколько же он так стучал стоял? Козырёк на входе не так давно сняли для ремонта, и теперь от дождя скрыться можно только внутри дома.

– И раздеться, и душ не помешал бы. На этот раз желательно горячий, – в мужском барионе слышится сарказм, и я, виновато опустив глаза, проскальзываю между ним и стеной к ступеням. Стыдно-то как, кошмар!

И как я не услышала? Еще и кормить нечем человека. Я даже не приготовила ужин. Степку только кашей накормила перед сном, раз за разом вытаптывая кухню и пытаюсь тщетно вернуть себе свой профиль через администраторов. Придется на скорую руку что-то сообразить, чтобы не оставить с дороги голодным.

Поднимаюсь по узкой деревянной лестнице. Тяжелые шаги мужчины раздаются сзади. Радует хотя бы, что не нужно было встречать его на автостанции. Отец говорил, что он будет на машине. ...

Стоп, машина же осталась за воротами!

Резко останавливаюсь и оборачиваюсь, тут же едва не врежаясь лбом в мужской подбородок. Дамир Маратович оказывается на ступеньке ниже, но даже так он выше меня. Вскидываю голову, ловя на себе вопросительный взгляд немного уставших глаз.

Личное пространство разбито вдребезги и у меня, и у него, потому что мы стоим так близко, что становится неловко. Стекающая по напряженному виску капля воды на секунду выбивает меня из равновесия. Набираю в легкие воздух, вместе с которым ненароком просачивается и терпкий аромат мужского парфюма.

Отступаю на ступеньку выше.

– Нужно Вашу машину загнать во двор, – озвучиваю свои мысли, поясняя такой резкий разворот.

– Уже. Твой отец дал мне секретное расположение вашего ключа от ворот, – отвечает серьезно, но в карих глазах появляются саркастические смешинки, придавая взгляду менее строгое выражение.

Ох, ну да. Это секретное расположение не знает разве что приезжий. Хотя... уже даже приезжий в курсе.

Снова отворачиваюсь и стараюсь как можно быстрее преодолеть расстояние до второго этажа. Не знаю почему, но выпрямляюсь по стойке смирно, спиной чувствуя наблюдательный взгляд. Пока поднимаюсь успеваю пожалеть о том, что на мне короткие шорты для сна. Краска бросается в лицо. Представляю какой сейчас вид открывается гостю. Руки тянутся, чтобы одернуть шорты сзади, но я останавливаю этот порыв. Глупо, наверное, будет выглядеть. Шагать только начинаю быстрее.

– Ваша комната здесь, – радуясь, что ступени закончились, останавливаюсь в коридоре около спальни, расположенной напротив моей. Толкаю дверь вперед. У нас, конечно, не евро-ремонт, но довольно уютно и чисто. – Сейчас я принесу полотенце.

Кивнув, мужчина входит внутрь и ставит под стену сумку.

– Спасибо, Маша.

Низкий хрипловатый голос доносится уже мне вслед.

Когда Дамир Маратович уходит в душ, я быстро меняю постельное белье и спускаюсь вниз на кухню, чтобы банально пожарить яичницу с макаронами. Знаю, что ужин так себе, но что уж поделать. Буду выглядеть плохой хозяйкой. После развратной студентки это не так уж и плохо.

Только открываю холодильник, чтобы достать оттуда необходимые продукты, как дом резко погружается в темноту. Этого только не хватало!

Глава 2

Дамир

Свет гаснет как раз, когда я успеваю вспенить шампунь. Не удивительно, с такой погодой вообще чудо, что электричество не отключилось часа три назад. В этой части города всегда были проблемы с водо- и электроснабжением. Окраина – одним словом. Я все детство и юность здесь провел, помню, как свечи в доме не заканчивались. Время прошло, но как показывает практика – ничего не изменилось. Хотя новый мэр мог бы и подсуетиться. Из того количества денег, которое он кладет в собственный карман, и сорока процентов бы с головой хватило на благоустройство города.

Постепенно глаза привыкают. Увидеть, конечно, что-либо все равно нереально, но я привык к темноте. И не в таких условиях бывал.

Смываю шампунь, наощупь нахожу мыло на краю ванной, которое заметил, пока залезал внутрь, как вдруг в дверь раздается робкий стук.

– Дамир Маратович, я Вам свечку принесла.

Усмехаюсь. Маратович... Нужно бы поправить ее, а то чувствую себя как на службе, ей богу.

– Оставь в комнате, Маша. Спасибо.

Десять минут в дверь тарабанил, промокший насквозь. Если бы не свет в окне, решил бы, что ночевать в машине придется и сохнуть там же. Хорошо хоть девчонка вообще услышала. Судя по опухшему лицу и красным глазам, которые она старательно отводила в сторону, причины для растерянности у нее были, но мне от этого не легче.

Последний раз я видел дочку Ивана, еще когда она мелкая была. Я тогда как раз из армии вернулся, а она дома в куклы играла. Лицо в веснушках, на голове косички. Я ночь у них переночевал и укатил в столицу поступать. Мы с матерью бывало гостили у Беловых. Иван очень помогал нам в свое время, когда отца не стало, а мать ушла в себя, с трудом переживая утрату. Помню, еще перед армией, как я после уроков ходил кирпичи укладывать на стройку, чтобы не загнуться от голода, потому что шитье у матери отошло на десятый план. Она как будто закрылась в себе, забыв о том, что мне, семнадцатилетнему пацану, нужно как-то дальше жить. Да и ей тоже. А Иван, видя все это, приносил со своего огорода овощи, мясо покупал где-то, яйца. Они с отцом были очень близки, и когда его не стало, Белов почти заменил его мне, помогая потом и при поступлении, и во время учебы.

Много ли у студента, приехавшего из небольшого города в столицу, денег? Только на макароны дешевые, буханку хлеба и пачку сигарет. Но даже после отъезда Иван находил время и чудом откуда-то бравшиеся возможности на то, чтобы к праздникам или на каникулы привезти мне их семейные соленья. Я ценил. Ценил, потому что понимал, что у него своя семья, которую нужно содержать, а он, несмотря на это, выкраивал что-то и для меня. Чужого человека, которого с ним связывает только многолетняя дружба с погибшим отцом.

Потом мы надолго потеряли связь. Я по городам мотался по службе, пока окончательно не осел в столице пару лет назад.

Выбираюсь из ванны и, нащупав на змеевике полотенце, начинаю вытираться.

– Может быть, я поставлю свечку на стиральной машине? Вам же не видно ничего там, – снова доносится из-за двери, заставляя меня покачать головой.

Я думал, она ушла уже.

Быстро обернув полотенце вокруг бедер, щелкаю щеколдой. Не натягивать же мокрые джинсы.

Выхожу в узкий коридор, освещенный оранжевым светом от свечи.

Взгляд Маши ненамеренно утыкается в мою грудь, медленно стекает чуть ниже, а потом быстро взмывается вверх. Влажные губы приоткрываются и тут же смыкаются. Сколько это ей сейчас? Двадцать? По росту и не скажешь. Как была мелкой, так и осталась.

– Вот, возьмите, – говорит, протягивая мне стакан со свечой, – с лёгким паром.

Глаз больше не отводит. Смотрит с интересом прямо на меня.

Тень от длинных ресниц падает на щеки, а свет свечи играет на чистом, нетронутом косметикой лице. Красивая. Даже очень. В повседневной жизни я привык к более матерым женщинам. Обычно это или те, кто сидит по ту сторону решётки, или те, с кем время от времени коротаю ночи. Но ни одни, ни другие не имеют ничего общего с этой девочкой. От нее чистотой веет и какой-то воздушностью. Дунешь, и испарится.

– Спасибо, – забираю из тонких пальцев самодельный подсвечник.

– Только придётся подождать где-то полчаса, пока я ужин приготовлю, – виноватая улыбка растягивает девичьи губы. – Воду на макароны поставила, пока закипит, потом пока сварятся.

– Ты время видела?

Пора ужина прошла как минимум часов шесть назад.

– Я знаю, что поздно, но Вы с дороги, – тушется младшая Белова.

– А тебе завтра в университет. Поэтому выключай давай свою воду и ложись спать.

От голода я до утра не завернусь. На заправке перекусил, этого вполне достаточно.

– Но Вы же голодны.

– Кто сказал?

– Ну... я так думаю.

Маленькая хозяйка заставляет меня подобревшего после горячего душа снова усмехнуться.

– А я думаю, что нет. И кто прав?

– Вы, наверное, – улыбается Маша.

– Не наверное, а точно.

– Отец убьет меня, если узнает, что я мало того, что не встретила Вас, так еще и оставила голодным.

– Мы ему не скажем, – обещаю, заговорщицки подмигнув.

Малиновые губы растягивает еще более широкая улыбка, от которой у меня в груди неожиданно тепло разносится.

– Ладно, спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Маша.

Вынув из заднего кармана джинсов мобильный, девчонка включает фонарь и, придерживаясь рукой за поручень, спускается по ступеням.

Стою ещё пару секунд, смотря зачем-то ей вслед, и захожу в комнату.

Ночь пролетает мгновенно. В сон я проваливаюсь сразу, как только касаюсь головой подушки.

Просыпаюсь бодрый и набравшийся сил для того, чтобы ехать доставать семейство Беловых из глуши, в которой они застряли по вине размытых дорог. Вообще в город я приехал для того, чтобы продать квартиру матери. Но так как предупредил квартиросъемщиков поздно, они пока не успели выехать. Это время, а именно несколько дней, Иван мне предложил провести у них. Соблазнил рыбалкой, походом за грибами и баней. Давно я уже так не отдыхал. Последнее время все моря-моря, а так чтобы с душой, на природе уже и не помню, когда последний раз. Наверное, года три назад, когда подполковнику звезду дали и он всех собрал у себя в загородном доме.

Надеваю спортивные штаны, майку и спускаюсь вниз. Думал, проснусь первым, но нет. На кухне меня ждёт сюрприз. Сюрприз, одетый в короткие шорты и футболку. Сюрприз, имя которому Маша.

Опираюсь на дверной косяк плечом, наблюдая за ее манипуляциями. Обычно завтрак готовлю себе сам, если не считать тех редких дней, когда у меня остается на ночь Вита. Но за ней я не наблюдаю. Не интересно. И так знаю, что увижу. Она любит выставлять мне напоказ свои "прелести", цепляющие чисто физически, но уже не так, как когда-то.

Сейчас же что-то в легкости движений Маши завораживает настолько, что я подвисяю. Она делает все так ловко. Выключает чайник, приподнимается на носках к верхнему ящику за чашкой, и я невольно обращаю внимание на оголившийся участок кожи спины с двумя ямочками. Белые шорты сидят низко, очерчивая привлекательные формы.

Ставит чашку на стол, движение рукой, и в ней оказывается кофе, потом сахар. Босыми ногами делает два шага к плите и, помешав что-то на сковороде, вдруг наклоняется, чтобы заглянуть в духовку. Всего секунда, а у меня в паху ожидаемо отзывается на это её простое движение. Да так, что я даже напрягаюсь. Приехали, брат. Нашёл на кого реагировать.

Но причина реакции тела вполне объяснима. Сейчас, при бьющем из окна солнечном свете, я могу более детально рассмотреть дочку Ивана. Хрупкая миниатюрная фигура, светлые волосы, собранные в небрежный пучок, но мелкой я вчера назвал её зря. У девчонки все при ней и сзади, и спереди. Она давно сформирована как женщина, и за эту мысль я снова отвечаю себе ментального леща.

Оттолкнувшись от косяка, вхожу на кухню и тут же сажусь к столу, дабы не выдать своего несвоевременного "утреннего коллапса".

– Вы уже проснулись, – заметив меня, констатирует с улыбкой Маша.

– Да, не думал, что ты окажешься здесь раньше меня.

– А я исправляюсь. Вот кофе, – передо мной опускается чашка с ароматным напитком, – яичница с колбасой, и буквально вот-вот будут готовы булочки.

Маша снова разворачивается ко мне спиной и заглядывает в духовку... Булочки, говоришь?

В памяти яркой вспышкой выстреливает момент, когда после последней сессии Иван приехал ко мне в общагу и выгрузил на стол целую сумку с домашней выпечкой Илоны, фрукты, колбасу и шесть банок пива в честь окончания университета. Совесть задирает голову и тычет пальцем в дочку человека, сделавшего для меня столько, сколько сделал бы для родного сына... А я пялюсь на нее, как на кусок той самой булки... Становится тошно от самого себя же.

Хватаю чашку, чтобы сделать несколько глотков обжигающе-горячего кофе, и принимаюсь за завтрак, который оказывается довольно неплохим. Со специями, как я люблю. Маша садится напротив, держа в ладонях большую белую чашку, наполненную кофе с молоком.

– Надеюсь, у Вас получилось выспаться? – спрашивает, заставляя меня поднять на неё взгляд.

– Да. Я всегда сплю как убитый.

– Везёт Вам.

– Тебе, Маш.

– Что?

– Не Вам, а тебе. Я вроде еще не настолько старый, чтобы ты меня на Вы и по имени отчеству звала.

Пара секунд уходит на то, чтобы она согласно кивнула.

– Тебе, – повторяет не торопясь, захлестывая меня синевой своих больших глаз.

– Доброе утро, – детский голос привлекает наше обоюдное внимание.

Потирая глаза, мальчуган лет пяти входит на кухню, но заметив меня, тут же спешит к сестре.

– Доброе утро, Степ. Это Дамир Маратович, друг нашего папы, – поясняет Маша.

Опять Маратович...

– Здоров, парень, – киваю ему, но он только сильнее хмурится.

– А где папа и мама?

– Скоро приедут, – успокаивает младшего брата Маша, – ты пока иди зубки почисть и приходи. Я твои любимые кукурузные хлопья тебе сделаю.

На ангельском девичьем лице расцветает улыбка. Искренняя такая, обезоруживающая. Прямо как вчера в коридоре.

И в кого только такие утонченные черты лица у нее? В ней вроде бы и есть что-то от Илоны с Беловым, но совсем немного. Все остальное как будто вылепили с кого-то другого. Аккуратный нос, большие, слегка раскосые глаза, благородное лицо и аккуратные губы, по которым гуляет её большой палец, пока она взглядом провожает брата. Девчонка так сильно контрастирует со всей обстановкой вокруг. Такие как она в столице находят себе богатеньких мажоров и всю жизнь катаются в шоколаде, меняя одного на другого уже даже в ее возрасте. А она... булки печет.

Глава 3

Маша

Дамир Маратович уезжает, я же кормлю Степу и отвожу его в детский сад. Ежедневный ритуал, неизменный уже несколько лет. Разница только в том, что сегодня он омрачается зудящими мыслями, которые безостановочно копошатся в моей голове. По мере приближения автобуса к университету, сердце стучит все более хаотично. Сидеть на месте получается с трудом. Несколько раз посещала мысль о том, чтобы встать на первой попавшейся остановке и уехать назад. Сказаться больной и попросить Арину прикрыть меня на парах. Только понимание, что это ничего не изменит, заставляет ехать до нужной мне остановки. Просто оттяну момент унижения и все. Те, кто захочет меня подковырнуть, сделают это если не сегодня, то в следующий раз. Лучше уж принять сейчас все, как есть, и переступить через создавшуюся Панфиловым ситуацию.

Ноги слушаются плохо, когда я спускаюсь с автобуса. Обхожу несколько внушительных луж, но подняв голову, уверенно иду вперед. От остановки до здания университета две минуты, за которые, я уверена, на моем лице не осталось ни капли краски, но даже это меня не останавливает.

– Машка, – на моем локте внезапно виснет Арина, звонко чмокнув при этом в щеку, – ну ты как?

Кузнецова живет в другой стороне, поэтому обычно подхватывает меня уже около входа. Сейчас поймала раньше.

– Сегодня лучше, – ей я всегда говорю правду.

– Гаденыш такой этот Валера! Я вчера ему столько ласковых слов написала, когда увидела твои фотки, – сокрушается подруга. – Сначала, конечно, подумала, что ты сама их выложила, даже обалдела, решила, что ты наконец рискнула показать себя миру, но, когда прочитала подписи... – серые глаза многозначительно расширяются, напоминая мне о красочных описаниях того, как я якобы жажду мужского внимания, и чтобы меня хорошенько отодрали. – Это же надо было до такого додуматься, мудака, блин! Знает же тебя и как это все на тебя подействует!

– Угу, – все, что нахожусь ответить.

Голова машинально вжимается в плечи, стоит наткнуться на похабный взгляд пятикурсника, который, когда мы проходим мимо, нахально присвистывает мне вслед, успев при этом скользнуть по телу липким взглядом. Раньше на меня так не смотрели.

Хочется надеть шапку невидимку или зарыться головой в песок.

Ладони потеют, пока я крепко сжимаю кулаки в карманах ветровки. Так, Маша, возьми себя в руки! Расклеивание не поможет.

Буквально силой заставляю себя выпрямиться и не горбиться. Подбородок выше и маску безразличия на лицо.

– Себе посвисти, придурок, – выплевывает Аринка и, как я догадываюсь, тычет парню средний палец у меня за спиной. – Машк, ты только не обращай внимания, – шипит мне на ухо. – Знаешь, сколько тут девок, которые и похлеще посты выкладывают?

Могу себе представить. Только легче от этого не становится. Проблема в том, что меня здесь знает абсолютно каждый, потому что мое фото наряду с фотографиями других студентов висит на доске почета за особые достижения в университете. Будь я обычной студенткой, наверное, никто бы и не заметил. Ну плечо оголила девчонка, что здесь такого. Ну пишет черти что в интернете. Но ведь это Я... Валера с меня пылинки сдувал и никому не давал в обиду.

За это я в него и влюбилась. Казался эдаким рыцарем, за которым я как за каменной стеной. А теперь меня этой же стеной и придавило.

– Стараюсь, – даже улыбнуться получается.

– Вот и умница, нечего им давать повод раздувать эту тему еще сильнее. А вот Панфилову в рожу дать очень надо.

– Не надо. Я вчера, когда ему позвонила, услышала этот довольный тон и поняла, что ему нравится видеть мое унижение и слабость. А показывать ее еще раз этому ублюдку я не собираюсь. Буду делать вид, что мне все равно.

– Уверена? Я бы удавила, если бы мой Кит такое учудил.

Мы обе знаем, что ее Кит такое не учудит, потому что ругаться и мириться по сто раз на день они могут как пить дать, но при этом любят друг друга как ненормальные.

– Уверена. Я не хочу ни видеть его, ни слышать. А разговаривать уж тем более.

– Добрая ты, Машка, – в голосе подруги не звучит порицание или что-то в этом роде, скорее смирение. Слишком хорошо меня знает.

А у меня и правда нет желания иметь с ним что-то общее. Даже пять минут разговора не выдержала бы. Единственное желание – это скорее дойти до аудитории, чтобы не слышать едкий шепот однокурсниц вслед и смешки, разлетающиеся, как звуки хлыста над головой.

Когда кажется, что минное поле пройдено и собственная аудитория будет спасением, я понимаю, как чертовски ошибалась.

– Эй, Белова, а ты, как выяснилось, та еще штучка, – первым делом выкрикивает Попов, мой одноклассник, стоит нам только войти внутрь. Парни начинают смеяться, получив при этом несколько подзатыльников от девочек рядом.

Группа у нас не особо дружная, но я благодарна хотя бы тем немногим, кто не пытается меня уколоть или подцепить. Просто молча кивают или здороваются, делая вид, что не в курсе последних событий, хотя по атмосфере вижу, что в курсе буквально каждый.

– Маш, а ты чего язык проглотила? Может, еще кое-что проглотишь, а? Я думал, ты этого не умеешь, но оказывается очень даже, – продолжает со смехом давить Попов.

Сжимаю зубы, дойдя до своего места и полностью игнорируя второй порыв смеха, усаживаюсь на стул. Замечаю, как дрожат руки, а горло сводит от спазма. Со мной никогда так не обращались. Как с какой-то девкой из подворотни.

– Попов, заткнись, – заступает за меня Арина, – а еще лучше проглоти сам свой язык, иначе я тебе его отрежу.

– Ой, какая грозная!

Они еще о чем-то препираются, когда в аудиторию вразвалочку вваливается Панфилов. С противной ухмылкой проходит по ряду и останавливается около меня.

– Привет, «звезда ютюба».

Я поднимаю глаза, чтобы встретиться с его смеющимися. А ведь когда-то они казались мне красивыми. Глупая. Секунду смотрю в искривленное гримасой удовольствия от своей же гадкой выходки лицо и, не говоря ни слова, опускаю взгляд вниз. Как ни в чем не бывало беру телефон и делаю вид, будто мне все абсолютно безразлично. Даже руки не дрожат, хотя сердце бьется с такой силой, что еще немножко и выскочит из груди.

– Здорово, Валерка, – летит с задних парт, – а еще фотки у тебя есть? Погорячее?

Не дождавшись моей реакции, Валера уходит к своей компании, намеренно громко выкрикивая:

– Да какой там погорячее? Мокрое бревно оно и в Африке мокрое бревно. Даже если захочешь – не зажжешь.

Прикрываю глаза. Горло раздрает горький ком. Какая же он сволочь! Арина порывается что-то выкрикнуть, но я ловлю ее ладонь.

– Не надо, – хриплю, тут же смахивая скатившуюся слезу.

– Почему? Он унижает тебя, Маша.

– Потому что ему это интересно. Если мы не будем реагировать, интерес пропадет. День, два, три и он успокоится. Других фоток у него нет. Все, что он мог сделать – уже сделал.

Как же я ошиблась. Когда человек жаждет сделать зло – он найдет для этого миллион способов.

Глава 4

Маша

Слава богу, после второй пары Валера ушел. Вообще прогуливать не в его природе, но сейчас меня абсолютно не интересует причина, по которой он так поступил. Наоборот дышать стало легче. Как будто воздух очистили от токсического испарения, и можно сделать полноценный вдох, не опасаясь за собственную жизнь. Однотруппники еще на паре перемен пытались меня задеть, но не получив должной реакции, успокоились. Я оказалась права – игнорирование лучший способ избегания конфликта. Правда, в коридор выходить все еще опасалась. Там пираньи гораздо опаснее. Эти хотя бы свои. Так или иначе совесть выиграла, а вне стен группы чужие. Для них я свежее мясо, которое только и ждут как сожрать. Благо все пары сегодня по расписанию в одной аудитории, и переходить никуда не приходится.

Перекусить нам принесла Арина, сбегав в буфет и не дав мне «погибнуть от голода», как она выразилась.

На последней паре снова пошел сильный дождь, но успокаивало то, что родители уже были дома. Мама прислала смс, написав, что они успешно добрались и уже начинают готовить праздничный обед, приуроченный к приезду Дамира Маратовича.

Губы трогает неожиданная улыбка. Дамир – необычное имя. Я конечно слышала его раньше по телевизору, но вот так, чтобы в кругу знакомых встречаю впервые. Оно ему очень идет. Я загуглила на одной из перемен его значение. В переводе с арабского Дамир – «железный». Наверное, лучше определения я бы и не придумала. Вчера, когда он вышел из душа наполовину голый, первое, что бросилось в глаза – это стальные мышцы на груди и плечах. На щеки наползает румянец при воспоминании того, как интимно он выглядел в одном лишь полотенце на покрытом влагой торсе. Я даже глаз оторвать от него не могла. Стояла и пялилась как будто никогда мужчин не видела...

«Таких не видела» шепчет внутренний голос, и я с ним охотно соглашаюсь.

Звонок с пары извещает об окончании занятий, и я, сложив в сумку вещи, снова набираюсь сил, чтобы заставить себя выйти из аудитории. Надеюсь, к концу дня тема себя исчерпала.

– Ты зонт брала с собой? – расстроено косясь в окно коридора, интересуется Арина.

– Нет. Как-то совсем не подумала, но хорошо, что остановка рядом. Не сильно промокну.

– Вот и я нет. Подожду Кита следующую пару, он подвезет.

– Ладно, – улыбаюсь, останавливаясь на лестничном пролете, – созвонимся. Киту привет.

– Передам.

Чмокнув меня в щеку, Арина взмывает на верхний этаж. Я же, поправив сумку, спускаюсь на первый. Вроде бы на меня не особо обращают внимание, что придает сил и уверенности до того момента, пока со стороны доски почета не доносится громкий смех. Будь это в какой-либо другой день, я бы не обратила внимания, но сегодня каждый даже тихий смешок воспринимается очень остро и принимается в свой адрес.

Поворачиваю голову в сторону угла, в котором собралась толпа народа, что-то снимающая на телефоны. Я бы, наверное, прошла мимо, если бы не взгляды тех, кто со смехом отходил отсюда. Станные взгляды. Такие, как утром. Только при чем здесь доска почета?

Делаю несколько шагов в сторону скопления едких перешептываний, уже внутренне готовясь к чему-то, что нанесет удар. В груди собирается шар, который все больше нагревается по мере моего приближения. Студенты, громко обсуждающие что-то, что содержит такие фразы как «отличницы тоже, оказывается, бывают горячими», «да тут смотреть не на что, вот были бы сиськи...», завидев меня, начинают переглядываться и расступаться.

Пульс ускоряет ход, в ушах звенит, когда я вижу рядом с моим портретом несколько фотографий из вчера опубликованной фотосессии, на одной из которых красным маркером написано «шлюха». Меня едва не выворачивает от увиденного. На глаза наворачиваются слезы, а шар в груди превращается в камень. Боже, я как будто в кошмарном американском фильме о буллинге. Чувствую себя униженной, втопанной в грязь и извазюканной в чем-то таком, о чем никогда не подозревала. Значит, вот куда ушел Панфилов. Не дождавшись ожидаемой реакции, пошел на худший шаг. Если еще были те, кто в сети не увидел фотографий, теперь он это исправил.

Резко срываю три снимка и сквозь пелену слез на глазах направляюсь к выходу. Меня обжигает злость изнутри. Вырываюсь на крыльцо, на котором собрались студенты, не спешащие под дождь, и замечаю Валеру в компании его дружков. Не раздумывая, подхожу и со всей силы отвешиваю ему пощечину.

– Уууу, – летит слева от Попова, – какая горячая крошка.

– Ты ничтожество, – цежу сквозь зубы, не обращая внимания на стебные комментарии.

Панфилов довольно ухмыляется, при этом смотря на меня с какой-то не дюжей злостью, будто это я его опозорила, а не наоборот.

– Ничтожество, которое ты любила, – язвит подонок.

– Которое я бросила.

В глазах напротив загорается опасный блеск, а губы, еще не так давно целовавшие меня, искажает злоба.

– Подумаешь. Таких как ты тысячи вокруг, и каждая из них желает как минимум отсосать мне. Да уж явно получше, чем ты.

Очередной взрыв смеха заставляет меня вскипеть и замахнуться, чтобы засунуть чертовы фотографии ему в рот. Вот только Панфилов оказывается сильнее. Перехватывает мою руку на лету и толкает вперед. Нога соскальзывает со ступенек, и, если бы он меня не удержал спустившись следом, я бы точно упала прямо на глазах у всех следящих за интересным для них зрелищем.

– Еще раз замахнешься на меня, я не подумаю о том, что ты баба, Маша, – грозит Панфилов, со всей силы сжимая мое запястье.

Фотографии падают на землю, пока я пытаюсь выкрутить руку. Боль прожигает кожу, заставляя щуриться не только от капель дождя.

– Ты бы лучше подумал о том, что мужик из тебя так себе, – вдруг раздается за моей спиной знакомым баритоном. Сердце опрометью летит вниз. Резко оборачиваюсь, натываясь на тяжелый взгляд карих глаз, смотрящих прямо на Панфилова. – Руку отпусти.

Что он здесь делает?

Валера, часто моргая из-за дождя, переводит непонимающий взгляд с Дамира на меня и обратно.

– Мужик, иди куда шел.

– Я уже пришел. За Машей. И если ты в течение двух секунд не разожмешь пальцы, я сломаю тебе их.

В интонации мужчины различаются стальные нотки, в которых нет угрозы, но есть отчетливый факт обещания. В день его приезда мне он показался злым, но сейчас я понимаю, что то был не предел. Выражение мужского лица вроде бы нечитабельное, но от него веет чем-то таким ледяным, что становится не по себе даже мне.

Народ на крыльце замолкает, и все, что можно услышать – это шуршащий по асфальту шум дождя и, с большой вероятностью, яростный пульс моего сердца.

Боже, я думала, еще больше униженной просто быть нельзя. Захват на моей руке слабеет, и когда становится едва ощутимым, я резко отдергиваю руку, машинально хватаясь за запястье.

– Это кто, Белова? Нашла себе папика? – плюется ядом Панфилов, совсем не подозревая о том, что, если этот человек захочет стереть его в порошок, сделает это с легкостью.

– Закрой рот, Валера!

Расширенными от ужаса глазами смотрю на бывшего и быстро перевожу взгляд на мужчину, который, наклонившись, поднимает мою фотографию и, расправив её, пробегает глазами по снимку. Боже. Почему он должен был увидеть именно это фото? Рядом валяются два других, но нет. Он пристально смотрит именно на самое постыдное, с красноречивой надписью.

Неторопливо переводит глаза на меня, и вместо прежней холодной ярости в них вдруг отражается что-то напоминающее снисходительную улыбку, хотя губы при этом неподвижны.

– Тебе лет сколько? – обращается к замеревшему Панфилову.

– Какая разница? – фыркает Валера.

– Судя по умственным способностям, немного. Да и кичишься ты тут перед всеми зря, если настоящих шлюх никогда не видел и полагаешь, что они выглядят именно так. Могу показать, если сильно интересно, – не дождавшись ответа, Дамир хмыкает. – Ты думаешь, ты ее унизил этими каракулями? – кивок в мою сторону. – Ты себя унизил. Ни одна уважающая себя девушка после того, что ты сделал, даже не плюнет в твою сторону. Твои дружки поржут несколько дней и забудут. А вот это не забудется никогда. И каждая из них, – теперь легкое движение головы в сторону стоящих студенток на крыльце, – сто раз теперь подумает перед тем, как лечь с тобой в постель.

Девчонки на крыльце переглянувшись, еле заметно кивают, судя по всему соглашаясь со сказанными словами.

Как быстро у них меняется мнение...

Лицо Валеры искажается гримасой злости, но сказать что-то в ответ он не решается. Где-то в глубине души, вероятно, понимая, что это правда. Парни сзади тоже молчат.

Дамир комкает фотографию, чтобы броском отправить её в урну. Разворачивается и головой указывает мне на машину.

– Поехали, Маша.

Глава 5

Маша

Дамир подходит к машине и открывает для меня дверь. Не дожидаясь, пока я подойду, обходит капот, чтобы сесть за руль. Спинай чувствую на себе десятки взглядов, но оборачиваться не собираюсь. Меня глушит чувством стыда. Даже садиться в машину неудобно после того, что увидел совершенно чужой для меня человек. Уважаемый человек, который старше меня лет на десять.

Щеки горят, когда я оказываюсь внутри салона и захлопываю дверь. Одежда насквозь промокла, зуб на зуб не попадает, но это не от холода. За окном май, некоторые уже в речке купаются. Просто сама мысль о том, как я выгляжу в глазах этого мужчины, заставляет меня леденеть.

Парой нажатий по экрану Дамир включает климат контроль в машине и выезжает на дорогу.

– Это неправда, – оправдываюсь тихо, – то, что на фотографии. Неправда.

Глаз не поднимаю, смотря на свои сцепленные на коленях пальцы, но боковым зрением замечаю, как мужская голова на миг поворачивается в мою сторону.

– Я знаю, – доносится уверенно в ответ

– Откуда?

– Ты не имеешь ничего общего со шлюхами. Но ты не обязана доказывать это каждому.

Медленно выдыхаю, наконец поднимая глаза и на короткий миг встречаясь с пронизательным взглядом, прежде чем он снова возвращается на дорогу.

– Я и не собиралась. Весь день игнорировала их всех, полагая, что, если буду отмалчиваться, они успокоятся. Валера успокоится. Но ему, видимо, нужно было пойти до конца.

– Отмалчиваться не вариант, – коротко качает головой мужчина, – в какой-то степени ты права, игнорирование убивает желание продолжать издеваться, но не всегда. Это может войти в привычку, и потом защищать себя станет сложнее. Ты обязана давать отпор. И в первую очередь не демонстрировать то, что тебе плевать на его выходки, а действительно не принимать их близко к сердцу. На фото ведь ничего страшного не было. Даже наоборот.

Хмыкаю, прикрывая глаза.

– Дело не в фото. Понимаешь, он взломал мой профиль в соцсети и теперь от моего имени публикует гадкие посты, в которых говорится, что я... Не важно, в общем. Просто... для меня это нонсенс. Так вести себя с человеком, который когда-то играл немаловажную роль в жизни.

– Скорее всего, ты до сих пор играешь для него эту роль. Просто двадцатилетняя пацанва не всегда умеет признавать ошибки. В этом возрасте от избытка полового гормона в крови мозг делегирует все полномочия не в тот орган. Не всегда, конечно, бывают исключения, но чаще именно так.

– Ты хочешь сказать, что эти его поступки от большой любви? – скептически уточняю.

– Называй это как хочешь. Но то, что парень к тебе не ровно дышит, это факт. Была бы ты ему безразлична, он бы тебя не цеплял. Тут главный вопрос – насколько далеко он готов зайти в своем желании доказать себе, тебе и окружающим, что ты ему безразлична.

Надеюсь, слишком далеко он не зайдет. Вздыхаю, отворачиваясь к окну. Дождливые дорожки быстро стекают по стеклу, пока я пытаюсь переварить услышанное. Неужели можно причинять боль только из-за того, что тебя бросили? Нет, я в курсе всяких ужасных историй о ревности и тому подобном, но никогда не думала, что это может как-то коснуться и меня.

– Маша, – хриплый голос заставляет меня снова повернуться к мужчине, – он как-то еще обижает тебя помимо этих фото?

Дамир требовательно смотрит мне прямо в глаза, будто пытаюсь поймать на лжи.

– Нет, – признаюсь честно. – Мы расстались какое-то время назад. Сначала он пытался вернуть меня, потом, когда понял, что это бессмысленно, пропал, полностью меня игнорировал, а вот вчера взломал профиль.

А ведь когда-то Валера был очень романтичным. Долго меня добивался, красиво ухаживал. Приносил цветы, провожал до дома, приглашал в кино. Из-за того, что дома довольно часто приходится сидеть со Степкой, я не могла уделять ему должного внимания, но он был настойчивым, и однажды я сдалась. Мы начали встречаться, все было более чем хорошо. Он был понимающим, приходил к нам, если Степа болел, а я не могла уйти до прихода родителей.

Спустя какое-то время начал зависать в клубах. По началу я тоже с ним ходила, родители отпускали. А потом поняла, что из-за этих прогулок учеба отодвигается на второй план. Такое расположение вещей меня не устраивало. Мне нужна стипендия, так как платить за обучение у родителей не получится, да и образование я хочу получить не только на бумажке. С каждым годом желание уехать в столицу растет в геометрической прогрессии. Я не хочу всю жизнь провести здесь. Новые горизонты – вот моя мечта. Узнавать новое, учиться, расширять кругозор и добиваться чего-то в жизни, а не гнуть спину на заводе.

Нет, я очень люблю своих родителей и уважаю их, но видя, как они устают за гроши, понимаю, что хочу себе иного. Себе и им. Ведь если у меня получится добиться чего-то, я смогу увезти отсюда и родителей, и Степку.

Поэтому я перестала составлять ему компанию в клубах и на вписках, где Валера любил пропадать до самой ночи. Мы начали ссориться на этой почве, и в какой-то момент я поняла, что мы просто хотим от жизни разных вещей. Поэтому и поставила в наших отношениях точку.

– Не позволяй ему заходить далеко, Маша, – отрывает меня от мыслей Дамир. – Молчать не выход из положения. Давай отпор, и, если надо, между ног тоже, – резко вскидываю голову. Он правда это сказал? – Я серьезно, – добавляет, подтверждая, что мне не показалось.

Сопротивляться улыбке становится тяжело, пока я, забыв о приличиях, упираюсь взглядом в безупречный точеный профиль. Дамир прав. Сегодня я поняла, что забиваться в скорлупу бессмысленно. Ее все равно можно разбить, если захотеть.

Сильные руки прокручивают руль, сворачивая на перекрестке, и я замечаю на одном из запястий тонкий кожаный браслет. Мокрая рубашка облепляет крепкие бицепсы и мышцы груди. Он переоделся. Помню, утром уезжал в майке. На груди поверх футболки цепочка и большой серебряный крест. Так сразу и не скажешь, что передо мной капитан полиции. И ведь только что, когда Дамир вступился за меня, он не использовал этот факт своей биографии. Не стал пугать Валеру полномочиями, хотя мог бы. Это было бы проще простого. Но даже так – всего несколькими словами – ему удалось поставить Панфилова на место.

Глаза поднимаются с креста на покрытый щетиной подбородок, ползут по острым скулам к направленным на дорогу глазам. Какой он красивый. Мне кажется, я еще даже не встречала таких, разве что в фильмах. Красивый не в плане черт лица, а своей мужской грубой привлекательностью. Исходящей мужественностью и уверенностью.

Наверное, с таким мужчиной очень легко быть счастливой. Уж он-то вряд ли унижает свою женщину. Интересно, а у него есть кто-нибудь? Конечно, есть, Господи. Сама же отвечаю на свой вопрос, не понимая зачем вообще задаю его.

Дамир вдруг отрывается от дороги и поворачивает в мою сторону голову. Наши взгляды встречаются, заставляя моё сердце замереть на короткое мгновение, а дыхание застрять в горле. Правильно было бы отвернуться, но я не делаю этого. Судорожно сглатываю, осознавая, что меня только что поймали с поличным на рассматривании.

Мужской взгляд примагничен к моему лицу, по которому, как мне кажется, расползаются электрические нити под его воздействием. Хочется приложить ладони к щекам, но я не делаю и этого. Просто наблюдаю за тем, как карие глаза оббегают мое лицо, на короткую секунду задерживаются на моих приоткрытых губах, которые я тут же смыкаю, а потом широкая бровь вопросительно изгибается.

– Маша, ты услышала меня?

Только сейчас до меня доходит, что я даже не ответила на реплику. Заторможенное сердце отмирает, а комок воздуха с трудом проталкивается в лёгкие.

– Да. Я поняла, что молчать нельзя. А что ты здесь делал вообще?

– Твой отец попросил забрать тебя, когда снова пошел дождь. У него с машиной что-то, боится, что завтра не доедет на работу, поэтому взялся сразу разбираться.

– Понятно. – да, машина у нас старенькая, отец часто с ней возится. – Не говори, пожалуйста, отцу и маме о том, что произошло. Им не нужно этого всего знать.

– Я думаю, ты и сама разберешься. Не маленькая уже, – доносится в ответ.

Разберусь, наверное, вот только сегодня бы точно все закончилось еще большим унижением для меня, если бы не помощь Дамира.

Глава 6

Маша

Мои родители из тех людей, кто готовит пир на весь мир, когда к нам заглядывают гости. Бывает это нечасто, поэтому каждый раз стол ломится от изобилия блюд. Всего за пару часов маме удалось приготовить три вида закусок, мясной салат, испечь булочки с чесноком и сварить компот. И это в ее-то положении! Все, что успела я после приезда – это помочь ей с шубой и сварить картошку.

– И вот это он мне говорит, представляешь? Мне! Да я на этом заводе двадцать лет пашу, были бы у меня там связи покрепче, уже бы не в этой развалине жили, а нормальный дом себе отгрохали. Так нет же, Дамир, без связей ты на хрен кому сдался!

Немного подпив, папа заводится с пол-оборота, стоит только затронуть тему его работы. Степа, едва слышав знакомые повышенные нотки в голосе отца, тут же сбегает в свою комнату. Дамир слушает, так и не притронувшись к налитой стопке наливки. За весь вечер только вторую бутылку пива время от времени потягивает.

Стараюсь меньше смотреть на него, но ловлю себя на мысли, что это плохо получается. Взгляд то и дело возвращается к мужчине, расслабленно сидящему на стуле напротив меня. Дамир не чувствует себя чужим в нашем доме. Отец и мама питают к нему самые теплые чувства, я заметила это как только приехала. Да и он сам относится к ним с большим уважением. Они вдвоем с папой жарили шашлыки, удалившись в гараж, а я в тот момент крутюсь на кухне поняла, что хочу, чтобы они скорее вернулись.

– А как же Кастилов? – отвечает Дамир, потянувшись за банкой пива, – Ты вроде у него на хорошем счету был.

– Кастилов ещё год назад перевез семью на Север. Теперь там новая метла и метёт по-своему. Расставил на руководящих должностях своих, а мы – те, кто отдали заводу полжизни – так дальше и батрачим за копейки.

– Надо было в столицу ехать, когда я тебе предлагал, – говорит Дамир, вновь откидываясь на спинку стула.

– А, – отмахивается отец, прежде чем потянуться за ломтиком хлеба, – кому я там нужен? Это ты вон сам пробился. Света белого не видел, все пер как танк, чтобы осесть нормально. Я вообще не знаю, как там можно задержаться. В столице-то. Как тебя там еще не грохнули?

– Ваня! – вскрикивает мама.

– Я живучий, – отвечает с усмешкой Дамир.

– Да я же не в плохом смысле, – исправляется отец, – я про конкуренцию говорю. Органы это же тебе не хухры-мухры. Там власть какая! Надо стальные нервы и зубы иметь, чтобы место под солнцем себе выгрызть. Вон Машка все рвется в эту столицу, – перескочив с одной темы на другую, теперь отец машет рукой уже в мою сторону, – здесь ей, видите ли, не нравится. А там кому ты нужна будешь?

– Пап, мы уже говорили на эту тему, – сейчас с ним спорить бесполезно, поэтому лучше просто аккуратно обойти раздражитель.

– Вот скажи, Дамир, кому она там нужна будет? Искусствовед – художник. Нет, чтоб на финансовый пойти учиться, она выбрала эти свои краски с кисточками. Тьфу.

Спокойно, Маша. Ты уже проходила это миллион раз. Получилось же настоять на том, чтобы поступать в академию искусств. Значит, получится и до конца обучения продержаться.

– Ты рисуешь? – не обращая внимания на сокрушения отца, спрашивает Дамир.

– Иногда. Если посещает вдохновение.

– Что рисуешь?

– Черти что, – вместо меня выстреливает папа, – этими «картинами», – чертит кавычки в воздухе, – она себе на жизнь не заработает. Это я дурак, прошляпил, когда она на свой искусствоведческий поступила, теперь только и думаю о том, как жить потом будет. По музеям в картины тыкать пальцем за гроши.

– Ваня, хватит. У Маши хорошо получается, – вступается мама, за что получает от меня благодарную улыбку.

Спорить с пьяным отцом я не люблю. Пьет он вообще-то редко и чаще по поводу. Но если выпивает, превращается вот в такого бестактного мужлана.

– Хорошо, как у Степки, когда он машинки рисует. Сядет, закроется в своей комнате и рисует, – кивком головы указав на меня, отец засовывает в рот кусок колбасы, – или зубрит что-то по этой своей истории. Ладно бы математику зубрила, я еще понимаю. А это в книжки закопается и как крот из дома ни ногой. Пока с тем своим встречалась... как его?

– Валера, – даже имя его произнести без оскомины на зубах не получается.

– Во, с Валеркой, так хотя бы куда-то ходила. Уже ж не маленькая, сам понимаешь. Двадцать лет, еще немного и замуж можно.

Началось. Папа думает, что если они с мамой поженились в восемнадцать, то и я обязательно должна последовать их примеру. Кажется, он решил сегодня пройтись по мне асфальтоукладчиком и хорошенько так сравнять с землей перед гостем. Закатываю глаза, надеюсь, что никто этого не заметит, но тут же понимаю, что ошиблась.

– Ты замуж хочешь? – Дамир едва заметно улыбается, разряжая накалившуюся обстановку.

– Просто горю желанием, – улыбаюсь в ответ.

– А надо бы! – указательный палец отца пролетает прямо между нами. – Вот зачем бросила парня? Он на руках ее носил. Торты привозил. Пиво со мной пил.

– На руках он меня не носил.

– Ой, нашлась принцесса. Ну немного хилый был. Подкачался бы годок другой и носил бы, – не знаю зачем, но смотрю в этот момент на Дамира, а он на меня. Он как никто видел сегодня проявление «любви» хваленного отцом рыцаря. Надеюсь, не выдаст меня. Но кажется, он даже не собирается этого делать. – Илон, принеси огурцов, закончились уже, – окликает папа, снова перескакивая на другую тему.

Ох, папа. Нашел кого в погреб отправлять.

Но зато это отличная возможность воспользоваться ситуацией.

– Мам, я помогу, – кричу в след маме, успевшей выйти на крыльцо.

Лучше ретироваться, чем дальше подставлять себя под прицел недовольных речей отца. Он любит меня, я точно знаю, просто когда выпьет бывает и вот так. А перед чужим человеком я чувствую себя вдвойне некомфортно. Не знаю почему. Обычно, когда отец заводит такие темы с его друзьями, я пропускаю их мимо ушей, потому что мне абсолютно не важно о чем они по пьяни болтают, а сейчас почему-то хочется, чтобы он не говорил всего этого.

Схватив зонт, выскакиваю на улицу и догоняю маму.

– Мам, давай я спущусь!

– Ну давай, только аккуратно там, Маш!

– Ладно.

Вцепившись руками в поручни, стараюсь становиться уверенно, чтобы не упасть, так как оказывается ступени с двух сторон покрылись слоем мха. Давно сюда не спускалась. Обычно это делает отец, но сейчас в алкогольном опьянении это не лучший вариант. Сжатый прелый воздух резко контрастирует со свежим на поверхности. Задержав дыхание, быстро выбираю трехлитровую банку огурцов и тороплюсь покинуть затхлое помещение.

– Нашла? – сверху доносится голос мамы.

– Да.

Поторопилась я необдуманно, лучше бы поднималась так же медленно, как и спускалась. Но умная мысль часто приходит тогда, когда уже не нужно. В какой-то момент нога соскальзывает со ступеньки, и я, инстинктивно пытаюсь схватиться за поручни, роняю банку. Та тут же разбивается вдребезги прямо подо мной, и чтобы не упасть на осколки, я делаю резкий поворот туловищем, во время которого левую лодыжку прошивает болью, а потом съезжаю по ступенькам вниз. Чеееерт. Как же больно. Не знаю, что болит сильнее – ушибленная пятая точка или нога. Зажмуриваюсь, сжав зубы и издав жалобный стон, хватаюсь за ногу. Хоть бы не сломала! У меня сессия на носу, как я до университета ковылять буду?

– Маш, что случилось? – взволнованно вскрикивает мама.

– Все в порядке, – выходит жалобнее, чем хотелось бы.

– Ты упала? Я сейчас спущусь!

– Не надо! Тебе только не хватало упасть! Я сама поднимусь!

– Так не умничай там! Я сейчас позову кого-нибудь!

Растерев еще немного ногу, делаю попытку встать. Превозмогая боль, опираюсь обеими руками на деревянные поручни. Что за день такой неудачный? Все наперекосяк! Закусив щеку, пытаюсь ступить на ногу, но тут же с шипением перескакиваю на другую. Плохая идея. Как теперь подняться-то?

Сколько там у нас ступенек? Двенадцать? Поднимаю голову, чтобы оценить масштабы, которые мне придется преодолеть, и натыкаюсь на показавшегося в проеме Дамира.

Только не он! Щеки начинают адски печь. Второй раз за день этот мужчина становится свидетелем моего позора. Хуже просто не придумаешь!

– Решила переключить Ивана с одной темы на другую? – вскинув бровь, подтрунивает Дамир.

– Типа того.

– Не лучший вариант.

– Да уж.

– Сильно ударилась? Идти можешь?

Спустившись, он внимательно всматривается в мое лицо, а потом переводит взгляд на ногу.

– Не могу. Больно становиться.

Дамир коротко кивает.

– Иди сюда, – и вдруг обхватывает мою талию рукой. От неожиданного прикосновения и силы с которой он прижимает меня к себе по коже разбегаются электрические импульсы. Боже! Ладонями упираюсь в стальную грудь и дышать перестаю. Тело мужчины сильное, твердое, горячее. В считанные мгновения забываю о боли и причинах почему он это делает. Резко вскидываю голову, встречаясь с карими глазами. Дамир смотрит на меня сверху-вниз. Секунда, вторая... Прищуривается, а у меня пульс звучит в висках отбойным молотком. Не знаю, что со мной происходит, но мир вокруг начинает кружиться, закручивая меня в водоворот искрящих ощущений. – Ноги подогни, – мужские губы шевелятся, останавливая головокружение и донося до меня звуки как сквозь вату.

Потерявшись, смаргиваю волнуемое оцепенение.

– Что? – глупо переспрашиваю.

– Ноги подогни, Маша.

Не успев уточнить зачем, оказываюсь повисшей в воздухе и еще крепче прижатой к Дамиру.

Охаю, машинально обнимая его за шею. Пульс опрометью несется вперед.

– Тебе же тяжело, – выдыхаю Дамиру куда-то в район скулы.

– Будет легче, если перестанешь решетить мне шею ногтями, – хмыкает в ответ, поднимаясь вверх по ступеням.

– Прости.

Расправляю ладони, но легче не становится. Кожа искрит в местах, где мои руки соприкасаются с оголенными участками над его футболкой.

Сумасшествие какое-то! Что за неправильная реакция на обычную вежливую помощь?

Глава 7

Маша

Когда мы оказываемся на улице, собираюсь встать на землю, но не успеваю. Легким движением Дамир подхватывает меня под колени, и я полностью оказываюсь на его руках.

Замираю. Меня ещё не носили на руках. Разве что отец, когда была маленькая, но это совсем другое.

– А тебе, я смотрю, не скучно живется, Маша. Приключения магнитом притягиваешь.

– Они как-то сами притягиваются, – краснею, ловя себя на мысли, что в таком положении практически упираюсь носом в мужскую щеку. В нос снова проникает тот самый запах, наполненный древесными нотками. Волнующий, немного терпкий. Он дразнит рецепторы обоняния, отзываясь волнующими нотками в моем теле. Мне очень нравится. От парфюма Дамира не хочется закрыть ноздри, как от папиного ядреного, а наоборот – вдохнуть полной грудью, чтобы ни за что не забыть. Именно так я и делаю.

Несмотря на дождь, который льётся сверху, мне вдруг становится жарко. Под ладонями играют натянутые мышцы, и я сама того не осознавая, осторожно провожу по мужской шее большим пальцем. На упругой коже в одном месте нащупываю неровность, похожую на шрам. Тут же дышать перестаю от собственной дерзости, но Дамир никак не реагирует. Мои руки и так на его плечах, он скорее всего ничего не заметил или подумал, что мне просто неудобно. Хотя удобнее мне ещё никогда не было.

– Открывай, – говорит, стоит нам подойти к двери.

Когда мы оказываемся в зале, мужчина опускает меня на диван рядом с накрытым столом.

– Ох, Машка, человек – авария, – сокрушается отец, вставая со стула – ну что ты там? Цела?

– Цела, – болезненное шипение скрыть не удастся, и он заметив это, руками взмахивает.

– Ну вот даже в погреб сходить не можешь без того, чтобы не навернуться там. А она в столицу собралась.

Наша песня хороша....

Вздыхаю и тут же передергиваюсь от холода. Одежда успела намочить за те несколько секунд, пока мы шли и теперь я покрываюсь холодными мурашками.

– Холодное есть что-то? – спрашивает Дамир у отца, пока тот продолжает ворчать о непутевости своей дочери.

– Пельмени разве что.

– Неси, – кивает, а потом говорит уже мне, – а ты сядь дальше. Будем ногу твою осматривать.

Пока я неуклюже пересаживаюсь, он берет мою ногу в руки и закатывает низ джинсов. Футболка Дамира тоже намочила. С его волос мне на лодыжку каплют прохладные капли, и он скорее всего неосознанно стирает их большим пальцем. В ответ на такое простое действие дрожь легкой волной прокатывается по коже. Дамир поднимает на меня взгляд.

– Так больно? – немного нажимает в одном месте и поворачивает.

– Чуть-чуть, – теперь мне стыдно за свой голос, который кажется осипшим, но ничего поделать с этим не получается.

Я как замороженная наблюдаю за тем, как моя нога оказывается во власти умелых рук, покрытый сеткой тугих вен.

– А так?

– Так больно...

Мама приносит из кухни пачку замороженных пельменей, которая тут же ложится мне на лодыжку.

– Думаю обычное растяжение, – констатирует Дамир, поднимаясь на ноги, – придётся тебе похромать несколько дней, «авария».

– Ничего, – слабо улыбаюсь, – спасибо. Ты мне помогаешь уже второй раз за день.

– Второй раз? – переспрашивает отец, возвращаясь в зал с тарелкой огурцов.

Вот черт... Я тут же начинаю ерзать, ругая себя за то, что ляпнула, но Дамир, усаживаясь на стул, в очередной раз спасает меня.

– В первый я был личным водителем твоей дочери.

– Аааа. Так что там? Жить будет? – папа кивает вопросительно в мою сторону.

– Куда она денется-то? – Усмехается Дамир, – разве что некоторое время вприпрыжку, но будет точно.

Прищуриваюсь, испытывая острое желание показать им обоим язык, но конечно, не делаю этого.

– Пойду переоденусь, – осмотрев свою влажную футболку, Дамир направляется к двери.

Знаю что не должна, но провожаю мужчину взглядом. По пути он вдруг поднимает руку и растирает то самое место на шее, где я нащупала шрам. А перед тем, как выйти из зала бросает взгляд прямо на меня, и я четко осознаю, что он все – таки заметил этот мой дурацкий поступок. Сдавшись под тяжелым взглядом, отвожу глаза. Надеюсь, он не подумает обо мне ничего такого...

Не став дожидаться его возвращения, я кое-как встаю с дивана.

– Пойду лечь, – говорю родителям, – спокойной ночи.

– Я тебе здесь внизу постелила, в спальне бабушки, – окликает меня мама. – Нечего по ступенькам скакать с больной ногой.

– Спасибо, мам, – благодарно целую ее в щеку, – только я собиралась еще немного лекции почитать.

– Скажи, что принести, я схожу и возьму.

– Принеси лучше всю сумку сразу, она на стуле лежит около стола. А там я уже разберусь.

Мама выполняет просьбу, и, переодевшись в пижамные шорты с майкой, я усаживаюсь на кровати, чтобы погрузиться в лекцию по искусству Азии.

Из зала доносятся мужские голоса, бурно что-то обсуждающие, а потом смех. Зависаю в середине страницы, прислушиваясь к голосу Дамира. Он что-то рассказывает про служебные будни, но я плохо разбираю смысл. Просто слышу вибрации его голоса и понимаю, что изучение материала уплывает куда-то на фон. Строчки бегут перед глазами, но ничего из прочитанного в памяти не задерживается. В ней хозяйничают воспоминания того, как мне было уютно на мужских руках, как волнительно.

Мне внезапно становится интересно какой Дамир в повседневной жизни. Как он проводит свои вечера, в чем именно заключается его работа. Как предпочитает проводить свободное время? Вряд ли он, как и все мои знакомые парни, ходит по клубам. Он гораздо серьезнее их. Старше. Умнее. Один взгляд чего стоит. Глубокий и наполненный опытом. Совершенно не поверхностный. И такой пробирающий, что у меня внутри все сладко дребезжать начинает необыкновенными вибрациями.

Откидываюсь головой на стену, отдавая себе отчет в том, что сегодня выучить что-либо у меня не получится. За окном ярко светит луна. Дождь больше не идет, и небо очистилось от туч, хвастаясь россыпью ярких звезд.

– Ты жениться когда собираешься? – доносится вдруг голос отца с веранды.

Из открытого окна веет сигаретным дымом, а это значит, что они вышли покурить. Прислушиваюсь еще внимательнее, едва не подскочив с кровати, чтобы подойти к окну, но больная нога останавливает.

– Думаешь много желающих связываться с уже женатым на своей работе? – отвечает Дамир со смешком.

– Нууу. Полно таких. Тут вопрос искал ли ты?

– Не до этого как-то, Иван.

– Надо шевелиться. Жизнь на месте не стоит. Это сейчас тебе тридцать, а там хлопнуть глазами не успеешь, и уже сорок. А бабы нет.

Папин пунктик по поводу женитьбы, оказывается, работает не только со мной.

– Мне их вполне хватает и так, – выдыхает Дамир, – Зачем все усложнять браком? Ты сам всё прекрасно понимаешь.

– Это даааа, – на удивление соглашается отец. – Жить с ментом – та еще прелесть. Не знаешь, каким местом завтра жизнь повернется и куда занесет, – заносчивый тон приобретает оттенки обреченности. – Не хотел бы я своей Машке такого. Ни стабильности, ни мужа по вечерам рядом, ни уверенности в завтрашнем дне. – Дамир молчит, а я и вовсе не дышу. Зачем он так? Ради любимого человека можно на что угодно пойти, ведь если любишь – будешь и по вечерам ждать, и ценить моменты вдвоем еще больше. А я почему-то уверена, что если такой мужчина как Дамир любит, то только отдавая себя целиком. – Так ладно, что это мы о грустном? Лучше расскажи, как мать?

И я бы смогла так любить....

Глава 8

Маша

Только утром я поняла, что все мои вещи остались наверху. Ванные принадлежности ещё вчера перед сном мама отнесла на кухню, а об одежде на сегодня мы не подумали.

Придётся подниматься. Степу родители сами отвезли в сад, а я договорилась о том, что Арина с Китом за мной заедут.

Хромая, подхожу к ступенькам. Сегодня ноге немного легче, нет той жгучей острой боли, поэтому прыгать не приходится.

Дамир, наверное, ещё спит. Постараюсь не разбудить гостя скрипящими половицами.

Теперь главное с лестницы не упасть. Обхватываю правой рукой деревянный поручень и уже собираюсь с силами, чтобы поднять ногу, когда дверь сзади внезапно хлопает.

Вздвогнув от неожиданности, оборачиваюсь и напрочь забываю о том, куда мне нужно было идти.

На пороге стоит Дамир и пододвигает ногой снятые кроссовки в угол. Из одежды на нем только спортивные штаны. Футболка перекинута через шею, позволяя мне безнаказанно скользнуть глазами по идеально выточенному торсу. Мускулистые плечи, сильные руки, сбитая крепкая грудь все это открывается моим бессовестному взгляду, жадно впившемуся в привлекательное мужское тело, покрытое испариной. На широкой груди немного чёрных волос, которые спускаются вниз по животу и тонкой дорожкой прячутся под резинкой штанов. Щеки опалает огнём.

Резко поднимаю голову.

– Доброе утро, – Дамир тоже выглядит удивлённым.

– Доброе утро.

– Разве ты не уехала с родителями?

– Ещё нет. Мне сегодня ко второй паре. А ты где был так рано?

По пути ко мне, мужчина стягивает с плеч футболку, чтобы к моему разочарованию надеть её на себя.

– На спортплощадке. Оказывается, её ещё не снесли. – А, это он о турниках... – Ты наверх собралась?

– Да, – когда Дамир оказывается совсем рядом, дышать становится труднее. Несмотря на то, что он оделся, от разгоряченного тела исходит жар, окутывая меня собой, как коконом, – забыла попросить маму принести мне вещи.

– Скажи какие, я принесу.

И позволить ему увидеть беспорядок в моем шкафу? Еще и нижнее белье на одной из полок?

– Я сама ещё не знаю, что надеть. Придется подниматься в любом случае.

– Ну пойдём, – Дамир как ни в чем не бывало обхватывает мою руку так, чтобы я могла на нее опереться, а меня как будто током бьет от такого простого действия.

– Да не надо, я справлюсь, – пытаюсь забрать пальцы из захвата, через секунду понимая, как глупо выгляжу. Словно он меня принуждает к чему-то.

Мужчина усмехается, но меня все же отпускает. Опирается плечом на стену и складывает руки на груди.

– Ну давай, справляйся. Если что, я здесь. Это так, на всякий случай, вдруг понадобится, – в низком голосе различаются смешливые нотки.

Чёрт! Кто меня дёргал вообще? Сейчас бы спокойно шла, держа Дамира за руку, но нет же.

Выдавив из себя улыбку, обхватываю поручень рукой, а второй тянусь к стене, чтобы найти ещё одну опору. Шаг наверх... проглатываю рвущееся сквозь зубы шипение. Если ходить по ровному полу ещё более-менее, то по ступенькам, когда вся тяжесть тела переносится с одной ноги на вторую – это ад. Шаг второй... Едва не жмурюсь.

– Я все ещё здесь, Маша, – насмешливый голос звучит совсем поблизости.

Но не просить же теперь его после того, как сама вырвала руку.

– Всё в порядке. Почти не больно, – если бы только ложь имела свойство становиться правдой.

Третий шаг наверх даётся с таким же трудом, как и предыдущие. Зачем нам в доме вообще нужна лестница? Никогда не задумывалась над этим вопросом, а теперь понимаю, как везёт тем, у кого только один этаж.

Сжав зубы, уже заново ногу для следующего шага, когда вдруг меня сзади уверенно подхватывают, а моя ладонь снова оказывается в крепком захвате Дамира.

– Не могу больше смотреть на эти потуги, – говорит, буквально приподнимая меня над ступенями. – Ты упрямая, да, Маша?

Начинаю улыбаться как дурочка, оказываясь снова во власти мужчины, на которого не страшно опереться.

– Да, – признаю этот факт.

– Хорошая черта, но не всегда. Сейчас можно было бы и не ерепениться.

– И показать свою слабость? Нет, спасибо.

– Лучше терпеть?

– Ведь долго не пришлось, – пожимаю плечами, сжимая подставленную ладонь.

– Упрямая, гордая и хитрая, – хмыкает Дамир, обжигая своим дыханием мой висок.

– Не хитрая. Просто я надеялась, что идти долго самой не придется.

– Даже так?!

Чувствую на себе пристальный взгляд, но проверить не решаюсь.

Дамир не спеша ведёт меня наверх, даже почти не приходится становиться на ногу. Его руки сильные, горячие, надежные, а от соприкосновения с шероховатой кожей у меня внутри разбегаются искорки. Он просто помогает мне подниматься, а у меня голова кружится от такой непосредственной близости к этому мужчине. Его грудь, покрытая влажной футболкой, утыкается мне сзади в плечо, но мне не противно. Даже приятно, как ни странно. Хочется обернуться и провести по ней кончиками пальцев.

А еще улыбаться хочется оттого, что он помогает мне. Опускаю голову вниз, чтобы спрятать глупую улыбку. Хоть бы эти ступеньки не заканчивались никогда.

– Так что ты рисуешь в итоге? А то вчера так и не рассказала, – раздается над ухом, пока мы неторопливо поднимаемся наверх.

– Портреты, пейзажи. Все, если что-то понравится настолько, чтобы захотеть отразить это на картине.

Последняя ступенька преодолена, и я оказываюсь на нежеланной свободе. Опоры больше нет, приходится опираться на стену. Пальцы влажные от того, как крепко мужчина держал их, но вытирать руку совсем нет желания. Наоборот, я машинально складываю кулак, чтобы еще немного оставить для себя это ощущение.

– Тебе много времени надо? – спрашивает Дамир, указывая головой на комнату.

– Минут пятнадцать.

– Одевайся тогда. Я пока душ приму. Потом помогу тебе спуститься.

– Это совсем не обязательно.

– Да? – широкая бровь саркастично изгибается, я же готова себя ударить.

– Нет. Мне правда нужна твоя помощь.

– Неужели? – уголок его губ ползет вверх, и я замечаю, как преобразается мужское лицо, когда он улыбается.

Исчезает суровая складка между бровей, и Дамир даже кажется моложе.

– Только если ты сам хочешь.

– А ты не такая простая, как кажешься, да Маш? – с легким смешком констатирует мужчина, от которого я как ни стараюсь, не могу отвести взгляд.

– Да нет, самая обычная, – пожимаю плечами, – ладно, пошла собираться.

Оказавшись в комнате, начинаю носиться по ней, как юла. Даже одной ноги вполне хватает, чтобы перерыть весь шкаф в поисках самых красивых, по моему мнению, джинсов и белого удлиненного топа со спущенными плечиками. Сейчас бы к ним очень подошли туфли на каблуке, но боюсь, если я обую их, вернусь домой уже даже не на одной ноге, а на колесах. Кроссовки – единственный подходящий вариант.

Порывшись в косметичке, впервые за долгое время наношу на веки тени и подчеркиваю взгляд тонкими стрелками. Я знаю, что внешностью меня природа не обделила, но никогда не предавала ей особого значения. Меня всегда больше интересовала внутренняя наполненность человека. Сейчас же, в глубине души понимая почему, я беру помаду и выделяю губы ярко-красным. Задерживаюсь у зеркала перед выходом, но передумав, стираю этот ядреный цвет. Это уже слишком. Выглядит так, будто на смотрины собралась, а я всего лишь хочу просто привлечь его внимание. Показать, что могу быть не ходячей «аварией», а привлекательной девушкой.

Расчесав волосы, распускаю их и, выдохнув, прихрамывая выхожу в коридор. В комнате напротив открыта дверь, предлагая мне оценить и идеально застеленную кровать, и чистые стулья, без навешенных на их спинки футболок и штанов. Вещи аккуратно сложены в сумке, и лишь на тумбочке флакон с туалетной водой, телефон и зарядное устройство.

Дамир как раз застегивает ремень на брюках, стоя ко мне спиной.

– Я готова, – даю ему знать о своем присутствии.

Мужчина оборачивается, а у меня сердце к горлу подбирается от предвкушения. Сейчас я выгляжу совсем не так как вчера, и он должен это заметить. Должен, но не замечает. Карие глаза лишь на секунду озаряет непонятная эмоция, тут же исчезающая за взглядом, которым смотрят на обычных знакомых. Дамир быстро оглядывает меня, но никакого восхищения или чего-то еще в глазах напротив нет.

– Быстро ты. Ну, пошли.

Сердце тяжело опускается. Какая же я дура. Отворачиваюсь, пряча разочарование. О чем я только думала? Нашлась красавица. У него, наверное, в столице вагон и маленькая тележка таких вот как я, а то и лучше.

Сильные руки снова оказываются на моей талии и держат ладонь. Но как бы мне не хотелось заверить себя в том, что я не нуждаюсь в его помощи, каждая клеточка тела буквально вспыхивает, стоит почувствовать его рядом.

– Ты как добираться будешь? – ухо согревает горячее дыхание, вызывая рой непрошенных мурашек.

– Друзья подвезут.

– Обратно тоже?

– Да.

– Хорошо.

Мы спускаемся, и Дамир выходит со мной на крыльцо. Машина Кита уже ждет у ворот.

– Дойдешь?

– Конечно. Мне целый день по университету ходить, надо тренироваться.

– Ну удачи. Помни о том, что я тебе вчера сказал.

Я помню. Только как-то незаметно еще вчера нерешаемые проблемы с Панфиловым ушли на второй план.

Пока прихрамывая иду к машине, создается ощущение, что Дамир смотрит вслед. Или мне просто этого очень хочется, не знаю.

Когда закрываю ворота, все же бросаю взгляд на крыльцо. Он так и стоит там, опираясь плечом на каменную стену. В пальцах сигарета, а из приоткрытых губ вырывается серое облако. Сигаретный дым развивается, и я понимаю, что мне не показалось. Он смотрит на меня. Знать бы еще о чем думает...

Глава 9

Дамир

Как только машина с Машей и ее друзьями скрывается за поворотом, достаю из кармана мобильный и набираю Лёне, нашему айтишнику.

– Товарищ капитан, не ожидал, – после первого же гудка бодро звучит из динамика вместо приветствия.

Усмехаюсь, выдыхая дым изо рта.

– А что так? Должен всегда быть готов к труду и обороне.

– Так ты ж в отпуске. Думал и не услышу тебя до семнадцатого числа.

– Да я по тебе тоже не соскучился, но дело появилось.

– Понял, – резко становится серьёзным Воротилов. – Уровень сложности?

– Для тебя самый низкий, – тушу окуроченный в пепельнице на крыльце и возвращаюсь в дом. –

На почте у себя посмотрел ссылку на один аккаунт в соцсети. Человека взломали, нужно восстановить.

Пара секунд молчания, за которые я успеваю войти на кухню, набрать в чайник воды и поставить его на горящую конфорку.

– Вижу, – коротко отвечает Лёня, – а дело-то у тебя, капитан, очень даже ничего, горячее.

Ложка с сахаром замирает в воздухе перед тем, как я все же насыпаю его в чашку. В памяти всплывают фотографии Маши, выложенные ее бывшим идиотом. Сегодня утром пока отдыхал между подходами на турниках, нашел ее профиль. Ничего в тех снимках предосудительного нет, но оскоминой зубы сводит. Вроде не мое дело, а от чего-то не хочется, чтобы на нее вот так глазели оценивающе. Острые плечи под мужской рубашкой, ключицы, лишь слегка выставленные на обозрение явно не чужих глаз. На снимках Маша доверчиво смотрит в кадр и смущенно улыбается. Очевидно, что делались они только для одного человека, оказавшегося полным идиотом.

– Ты, кажется, у нас в кодах разбираешься, Воротилов?

– В них.

– Вот и разбирайся.

– Молчу-молчу. Имейл есть? Пароль прошлый?

– Ничего нет.

– Плохо, но не смертельно. Дай мне полчаса, Дамир.

– Выполняй, Лёнь, – выпаливаю на автомате.

– Есть, – прилетает легкий смешок вперемешку со звуком отпиваемого кофе.

– Буду должен.

Скидываю вызов и, пока закипает чайник, подхожу к окну. На подоконнике лежит плотная оранжевая резинка для волос. Машкина. Беру вещь в руку и растягиваю на пальцах. Сегодня она ею волосы не собрала. С распущенными пошла. Хотя ей и так и так хорошо. Поднимаю резинку на уровень глаз, несколько секунд рассматриваю, прокручивая на пальцах, а потом под носом у себя провожу, как сигарету, когда курить охота. Ею пахнет.

Пока по лестнице Маше помогал спускаться, чувствовал себя наркоманом, потому что аромат ее волос в себя втягивал с каким-то необъяснимым кайфом. Давно меня так не вело от обычного запаха. Свежестью от девчонки веет и яблоком. Зеленым, незрелым. Которое при откусывании сводит зубы, но настолько у него выраженный вкус, что хочется откусить еще и еще. Я вчера еще это заметил, когда в дом Машку нес, а она своими ногтями мне по шее

елозила. Зараза мелкая. Не потому что специально это делала. Нет. Неосознанно, наверное, даже не поняла, как меня это торкнуло.

А когда сегодня из спальни вышла в этом топе с плечами голыми, я подумал, что это и не она вовсе. Где та девочка с заплаканными глазами и в простой футболке, отстаивающая себя перед придурком бывшим? Где вчерашняя «авария» в мокрой от дождя одежде и блестящими от боли глазами? Передо мной стояла соблазнительная, чертовски привлекательная девушка. Вот только смотрела с ожиданием. Будто хотела, чтобы оценил. Не дурак, понимаю, почему так нарядилась и джинсы выбрала такие, чтобы форму сзади подчеркнули. Я заметил, как только она к лестнице развернулась. Еще и как заметил. И стрелки кошачьи на глазах, и колечки, появившиеся на пальцах, и щеки порозовевшие. Даже губы, которые кусала, когда обернулся к ней. Красивые, мягкие, красные, словно прошла по ним чем-то. Прострелило иррациональным желанием прикоснуться к ним, попробовать на ощупь.

Только показывать ей то, что мне понравились ее старания, я не собираюсь. Она и так гладела на меня вчера таким многоговорящим взглядом за столом, что чудом перед Иваном не спалилась. Тот не в состоянии был заметить, а я такое в два счета просекаю. Далеко не родственные это гляделки и не дружеские.

Не к месту это. Плохо. А еще хуже то, что я вместо того, чтобы заваривать кофе уже давно закипевшей водой из надрывающегося свистом чайника, стою и думаю о том, как она сегодня будет по университету скакать и как поведет себя ее бывший. Появилось ли что-то в его пустой голове за последние сутки, или будет и дальше прессовать девчонку. С силой давлю в себе желание встретить Машу после пар еще и сегодня. Ни к чему хорошему этот порыв не приведет. Вернув резинку обратно на подоконник, разворачиваюсь и заливаю кофе кипятком. Нужно разгрузить мозг. Частота, с которой меня посещают мысли о дочке Ивана мне совершенно не нравится.

Маша

Не знаю, что бы я делала без Арины и Кита. Если бы не они, я бы, наверное, до конца пар уже выла от боли, но благодаря этой парочке давление на больную ногу свелось к минимуму.

Валера на первых парах не появлялся, что еще больше облегчило мне нахождение в университете. Некоторые продолжали нагло свистеть вслед или предлагали себя в качестве тех, с кем можно было бы скоротать ночь, но я по совету Дамира постаралась не принимать их слова и поведение близко к сердцу. Как он сказал? Всем не докажешь. Главное, самой легко ко всему относиться. Сразу сделать это сложно, но я прилагаю все усилия.

После второй пары Арина принесла нам из буфета кофе с булочками, и мы, разложившись на парте, решили пообедать. Правда, аппетит мне испортили почти сразу же.

Кравченко Инна, самая популярная девчонка нашей группы с ее подружкой Камиллой, плюхнувшись перед нашей партой на стулья, заговорщицки зашептала:

– Мааш, а кто это вчера за тебя так яро заступался на крыльце?

Арина непонимающе косится в мою сторону. Я пока не рассказывала подруге о случившемся. Не выдалось подходящего момента.

– Мой знакомый, – отвечаю кратко, откладывая булочку.

– Только знакомый? Если да, то буду весьма благодарна, если дашь мне ссылку на него в инстаграме.

– Не дам, – отрезаю резче, чем нужно.

Во-первых, у меня нет ссылки. А во-вторых, если бы и была, я бы все равно не дала. Такой как Дамир даже не взглянет в сторону этой вертихвостки.

Обычно я не грублю. Вежливость и доброжелательность – основные черты моего характера. Но сейчас как-то само так вышло.

– Ты же сказала, что просто знакомый, – фыркает Инна, откидывая копну светлых волос за спину, – или все-таки то, что пишет о тебе Панфилов, правда? Быстро ты нашла ему замену.

– Слушай, Ин, – раздражаюсь я в не свойственной себе манере, – с Панфиловым мы расстались довольно давно. Во всяком случае этот срок больше, чем тот, который отводишь ты для реабилитации после каждого прошлых отношений, поэтому, пожалуйста, не лезь в мою жизнь.

Сглатываю, чувствуя, как пульс ускоренно бьется в затылке. Арина с гордостью хмыкает, Кравченко же, шикнув что-то своей подруге, вскакивает со стула.

Мне нужно успокоиться. Конфликты совсем не мое. Они всегда выбивают из колеи, поэтому схватив стаканчик с кофе и быстро допив остатки, я встаю, чтобы выбросить его в мусорник.

Намеренно минуя ведро, находящееся в углу аудитории, и прихрамывая выхожу в коридор. Нужно немного пройтись перед тем, как рассказать обо всем Арине. А то, что она захочет узнать все подробности, даже не обсуждается.

Выбросив стакан в уборной, я не торопясь возвращаюсь к аудитории, но дойти не успеваю.

Откуда-то взявшийся Панфилов ловит меня за локоть и, подтолкнув к стене, нависает рядом.

– Отпусти, мне больно, – шиплю, пытаюсь вырвать руку.

– Что, Белова, нашла себе защитника, да? – Валера шипит ядовитым тайпаном мне прямо в лицо.

– О чем ты?

– О твоём папике. Это он тебя ночью так отодрал, что сегодня ходить не можешь? Благодарил за защиту?

Злость ударной волной бьет в голову, заставляя задыхаться от возмущения.

– Закрой рот, Валера!

– Ну-ну. И страницу уже твою тебе вернул, да?

– Страницу?

– Не делай вид, что ты не в курсе. Я там такую защиту поставил крутую, двойную!!! Ни один знакомый айтишник бы не взломал. Но нееет. Твоему удалось. При деньгах значит, да? Ну, не удивительно, что ты повелась!

Дамир правда вернул мне страницу? Злость мгновенно вытесняется благодарным теплом, родившимся в глубине груди. Может, это не он? Тогда кто? Больше никому. Он сделал это для меня? Я ведь даже не просила...

Вероятно, прочитав на моем лице весь спектр эмоций, направленных на мысли о благородном поступке мужчины, Валера резко встряхивает меня за руку, возвращая к реальности.

– Отвечай!

– Ты ненормальный! – ошарашенно выпаливаю, чувствуя, как сердце снова начинает быстро колотиться. Судя по тому, с каким удовольствием Валера вкладывает в каждое слово оскорбление, ему действительно нравится меня унижать. – Это не твоё дело, на что я повелась. Но да, скажу тебе сразу, чтобы ты не задавал лишних вопросов. Дамир сделает все, чтобы защитить меня от такой сволочи как ты. Он – капитан полиции, поэтому если на моей руке останутся синяки, ты будешь за это отвечать по закону.

Это совсем не те слова, которыми я должна была бы себя защитить, но ведь подействовало. Захват на моей руке ослаб, а оскал сполз с еще секунду назад озлобленного лица. Через мгновение Валера и вовсе отшагнул назад, при этом все ещё злобно смотря мне в лицо.

Перспектива ввязываться в выяснение отношений, где ты изначально слабое звено не понравилась бы никому. Вот только когда этим звеном была я – Панфилова это устраивало, а к изменению положения вещей он явно не готов.

– Пошла ты к черту, Белова! – выплевывает Валера перед тем, как развернуться и уйти.

Я же завизжать готова от радости. Щеки горят, в груди печёт. Может быть, я Дамиру все же не безразлична... Улыбка, сдерживать которую нет никакой возможности, наползает на лицо. Скорее бы попасть домой, чтобы поблагодарить его!

Глава 10

Маша

Домой я приезжаю окрыленной и, почти забыв о больной ноге, буквально вваливаюсь на порог. С того самого момента, как Валера сказал о том, что мой профиль больше для него недоступен, я не могу думать ни о чем другом, кроме как о Дамире. Я миллион раз прокрутила в голове, как увижу его и скажу спасибо. Как он усмехнется и возможно ответит, что ничего такого не сделал. Или что-то типа «не стоит благодарить».

Но стены встречают меня привычной тишиной и как оказывается пустотой. Дамира нет. Весь мой энтузиазм осаждается как пыль. Расстроившись, опускаюсь на стул в кухне. Я так надеялась, что нам удастся побыть наедине и нормально поговорить. Конечно, я не собираюсь признаваться ему в том, что думаю о нем непозволительно часто, потому что тогда он посчитает меня ненормальной... Просто... мне нравится, когда этот человек рядом.

Вздыхая и иду переодеваться. Со вчерашнего ужина осталось еще много еды, готовить на вечер не нужно. Используя эту возможность, я не без труда поднимаюсь к себе в комнату. Собираю в шкаф валяющиеся еще с утра на кровати вещи и делаю то, что хотела сделать еще вчера. Натянув на себя «рабочую» рубашку и легинсы, берусь за кисть. Бывают такие дни, когда для того, чтобы что-то нарисовать, приходится искать вдохновение. В музыке, в природе, в собственных эмоциях. Но сегодня я в поисках не нуждаюсь. Кисти и краски делают все за меня. Рука легко выводит на бумаге очертания мужского лица, строгие черты, широкие брови. Удивительно, но я помню даже крошечные мимические морщинки около чувственных губ. Улыбаясь сама себе, погружаюсь в работу настолько, что теряюсь во времени. Возвращаясь в себя, только когда на улице раздается шум подъезжающих колес.

Дамир...

Положив кисть, спешно встаю со стула, чтобы подойти к окну. И снова легкое разочарование. Родители со Степой вернулись, а он – нет.

Переодевшись и отвернув наполовину нарисованный портрет к стене, выхожу в коридор.

– Маш, ты чего наверх пошла? – удивляется мама снизу лестницы.

– Забыла кое-какие тетради. Домашнее задание делала, – нагло вру, только сейчас понимая, что теперь нужно браться за то, что задали на дом.

– Давай я помогу тебе спуститься.

С помощью мамы спускаюсь вниз как раз, когда звонит мобильный папы.

– Да, Дамир? – от знакомого имени внутри все переворачивается. Тихо ступая, подхожу к залу, максимально обратившись в слух. – Знакомые – это хорошо. – Продолжает отец. – Будешь вообще сегодня? Ага. Ты ж не забывай, что мы завтра с самого утра на рыбалку. Ну хорошо. Ксене привет. Отдыхайте.

Ксене? Не замечаю, как застываю на половине пути к отцу.

– Машка, привет, – папа, сократив между нами расстояние, целует меня в щеку, и я заторможено отвечаю таким же поцелуем.

– Привет, пап. Кто звонил?

– Дамир. Сказал, знакомых встретил, будет поздно. Чтобы не ждали его, – в груди начинает неприятно тянуть, пока я, стараясь выглядеть невозмутимо, киваю головой.

– Понятно. Как у тебя дела?

– Да как. Как всегда. Нервы треплют мне. Как нога твоя?

– Сегодня лучше. Уже сама поднималась наверх.

– Ну ты не геройствуй. Лучше пару ночей внизу поспи. Уже ужинала?

– Еще нет, – отрешенно качаю головой.

– Тогда сейчас все вместе и поедим. Илон, что у нас на ужин?

Отец, потрепав меня по голове, проходит мимо, а я наконец могу больше не удерживать на лице безропотную маску. Дамир встретил знакомых... Ну конечно, он ведь отсюда родом. Значит, у него здесь и друзья остались, и, возможно, бывшие девушки. И с одной из них он сегодня и встретился. Намеренно или случайно? Какая разница, если сейчас он с ней. Общается, и вполне вероятно на общении они не остановятся, раз он планирует приехать поздно.

Бурная фантазия, прямо как я сегодня, берет в фантомные руки кисти и начинает рисовать картины того, как Дамир проводит время со своей знакомой. Как он улыбается ей, как смотрит. Скорее всего, в ее сторону его взгляд гораздо более откровенный, чем в мою. Может, он делает ей комплименты, а она смеясь позволяет себе взять его за руку. Машинально сжимаю кулак, досконально помня какая его ладонь на ощупь. Еще сегодня я держала его за руку, когда поднималась по ступеням, а сейчас это может делать другая девушка.

Судорожно выдыхаю, тщетно пытаюсь отогнать всплывающие картины. Кошмар какой-то. Наваждение. Разве можно вот так за каких-то два дня увязнуть в человеке? Так не бывает! Только в фильмах, где сценаристам нужно быстрее связать героев любовными узами, потому что эфирное время ограничено. В жизни требуется намного больше времени. Узнать человека лучше, понять его хорошие и плохие качества, сходить на свидание в конце концов.

Но если все так, тогда почему от одной только мысли, что Дамир может быть с другой девушкой мне становится физически плохо? Даже безостановочная ломота в ноге отходит на дальний план.

– Маш, ты чего? – вздрагиваю от голоса мамы, вошедшей в зал.

Взволнованно смотря на меня, она садится рядом на диван и прикладывает ладонь мне ко лбу.

– Бледная вся. Тебе плохо?

Плохо...

– Нет, мам. Просто проголодалась. Давно не ела, – выдавливаю из себя улыбку.

– Я и вижу, что еда не тронута. Ну ты даешь, Маша. Пойдем.

После ужина мама отправляется со Степой на детскую площадку, а отец по своему обыкновению смотрит новости и сериалы. Я за это время стараюсь выполнить домашнее задание, ловя себя на том, что прислушиваюсь к каждому шороху во дворе. Но Дамир не возвращается даже когда все ложатся спать. Ко мне сон никак не желает идти, поэтому усевшись в зале на диване, я включаю телевизор. Стрелки на часах переваливают за одиннадцать часов, когда замок в коридоре наконец щелкает.

Вся подбираюсь, машинально разглаживая волосы ладонями. Демонстративно сосредотачиваюсь на фильме. Мужчина с пистолетом убегает от несущегося за ним байкера, а я сижу и думаю, Дамир заглянет сюда или сразу отправится в комнату...

– Ты чего не спишь? – раздается со стороны двери, вынуждая пульс разогнаться чуть ли не на максимум.

Поворачиваю голову.

– Фильм интересный идет.

– Ммм. Как называется?

Черт...

– Я не запомнила, – пожимаю плечами, наблюдая за тем, как долгожданный гость входит в зал и садится в рядом стоящее кресло.

На мужчине темные джинсы и черная рубашка, пуговицы которой сверху вальяжно расстегнуты. Он выглядит немного уставшим и... счастливым.

Отворачиваюсь к экрану.

– Как дела, Маша?

– Нормально. А у тебя?

– Тоже хорошо.

– Отец говорил, что ты будешь поздно, но если хочешь есть, я могу тебе что-нибудь подогреть?

Сама себя готова убить за подобную слабость, но осознание, что он сейчас может пожелать спокойной ночи и уйти, оказывается сильнее, чем раздрай, творящийся внутри.

– Я не голоден, спасибо.

– Где-то поужинал? – снова поворачиваюсь к Дамиру.

Нервные окончания к коже подбираются, когда он, слегка склонив голову, прищуривается.

– Поужинал.

– Понятно, – хочу отвести взгляд, но не выходит. Он удерживает его своими глазами, вызывая в животе томительное щекотание. Острые скулы напряжены, губы сжаты. В воздухе едва заметно ощущается запах сигарет. С трудом сглатываю. – Это ты восстановил мой профиль? – нужно перевести тему.

– Нет, не я. Мой знакомый.

– Спасибо. Как мне теперь в него войти?

Опустив наконец глаза, Дамир достает из заднего кармана джинсов телефон. Я рвано вдыхаю. Пока он смотрел на меня, у меня дышать нормально не получалось. Внутри все искрило так, словно фейерверки запустили и каждый из них попал в меня.

– Вот.

Протягивает мне телефон, где на экране высвечивается мой почтовый ящик, служащий логином, и новый пароль. Ого. Он даже узнал мой имейл? Захожу в свой профиль и ввожу все данные. Запросив подтверждение, сайт уже через пару мгновений впускает меня на страницу.

Слава Богу!

Личные сообщения завалены, и я, нахмурившись, открываю одно за другим. Боже, какой кошмар! Сколько здесь грязи! Валера не поскупился на слова, выставя меня в самом грязном свете перед сокурсниками. Одному он написал, что я готова переспать с ним за сто долларов. Второму, что сделаю ему курсовую, если он купит мне браслет от Картье. Подонок! Ненавижу!

Слезы подкатывают к глазам.

Начинаю лихорадочно писать каждому, объясняя, что меня взломали, когда диван рядом прогибается и телефон исчезает из моих рук.

– Ты что делаешь, Маша?

Дамир откладывает мой телефон на подлокотник, а я, уткнувшись глазами в пол, сглатываю рвущий горло ком. Как он мог вообще такое обо мне писать? Знает же, что я не такая. У нас с ним близость первая произошла только спустя полтора месяца отношений, а он представляет все в таком свете, будто я готова на первой же встрече лечь к кому-то в постель.

– Маша, – требовательно звучит слева, а потом на мой подбородок ложатся мужские пальцы и уверенно поворачивают лицо к себе. Поднимать на Дамира глаза жутко стыдно, потому что я снова в слезах перед ним. – Маша, посмотри на меня.

Делаю, как он просит, и в груди все сжимается. Не оттого, что мне стыдно, а потому что в его глазах есть крошечный отблеск жалости.

– Что там было?

– Ложь, – цежу сквозь крепко сжатые зубы, – наглая ложь. И он врал каждому, с кем общался от моего имени.

– Ты их знаешь? Тех, с кем он общался.

– Нет.

– Тогда успокойся. Те, с кем ты знакома, не подумают о тебе плохо, а те, кого знать не знаешь, пусть идут на все четыре стороны. Ты не обязана объяснять каждому, что тебя взломали и что с ними общалась не ты.

– Но...

– Что но? Ну объяснишь ты, потратишь час-два своего времени, а легче тебе не станет. Не нужно зависеть от чужого мнения, Маша. – судорожно выдыхаю, понимая, что из уголка левого глаза так скатывается предательская слеза. Тяну подбородок на себя, чтобы не позориться еще больше, но Дамир вдруг большим пальцем касается моей щеки и стирает влагу. Каменею от его прикосновения и только сейчас осознаю, что между нами каких-то десять сантиметров. Его палец обжигает кожу, но больше отстраняться мне не хочется. Встречаюсь с темными как ночь глазами. Сердце тяжелеет. Вопящие сирены с телевизора превращаются в фон. Медленно опускаю взгляд на мужские губы и почти сразу рука Дамира исчезает с моего лица. Он как-то резко выдыхает, а потом возвращает мне телефон. – Держи. И триста раз подумай перед тем, как оправдываться перед людьми, с которыми ты возможно ни разу не пересечешься.

– Да, я понимаю, – выпаливаю на дребезжащих эмоциях, – но дело даже не в них. Понимаешь, я никогда не задумывалась о том, что со мной рядом может быть такой человек, как Валера. Мне всегда хотелось видеть рядом мужчину, способного быть моей опорой. Как папа для мамы. С которым я буду счастлива. Мы построим отношения, семью. Простое женское счастье! Дети, отпуск на море, он рядом, и спокойная тихая жизнь.

Снова поворачиваю лицо на Дамира и замечаю, что жалость в его глазах сменилась на веселье. Чему это он веселится?

– Ты еще такая маленькая, Маш!

– Маленькая? – торопю, не понимая причины его суждений. – Мечты о счастливой жизни делают меня маленькой?

– Представление о жизни скорее. Не все так радужно, как хотелось бы. Не получится родиться, отучиться и тут же выйти замуж, чтобы нарожать детей. У тебя идеальная картина мира, но жизнь та еще дрянь.

– Я понимаю это. Наверное, как-то неправильно высказалась, – пытаюсь объяснить, что имела в виду другое. Каждая девушка ведь мечтает об идеальном мужчине рядом. Чтобы и по вечерам не пропадал с друзьями, и дома помогал, и дыхание от него захватывало. У меня вот захватывает... – Я не говорю, что собираюсь сидеть на шее у своего мужчины. Я тоже планирую работать, помогать ему.

– Да я понял тебя, – издав смешок, Дамир закидывает лодыжку себе на колено, – но в жизни нужно быть готовой ко всему. Если каждый раз принимать близко к сердцу что-то, выходящее за рамки твоей картины мира, можно рехнуться. Смотри шире. Будь готова к любым обстоятельствам.

– А ты всегда готов?

– У меня профессия такая.

– А до профессии? Ты же не всегда был хладнокровным и перестраивался по обстоятельствам. Было же что-то, что выбивало тебя из колеи.

Лицо Дамира напрягается, теряя выражение расслабленности.

– Научился, – голос звучит холоднее.

Черт... в своем желании поспорить с ним я совершенно не подумала о том, что выхожу на болезненную для него тему. Тему потери отца.

– Прости меня, – виновато произношу, – я не хотела.

Карие глаза впиваются в мое лицо.

– Маша, я уверен, что ты обязательно добьешься в своей жизни того, чего тебе хочется. Просто обещай мне, что будешь избирательна и не станешь растрчивать свои силы на то, что не стоит твоего внимания.

– Обещаю.

Дамир удовлетворенно кивает, а черты его лица смягчаются.

– Я спать. Завтра Иван обещал мне отменную рыбалку.

– Печень свою морально подготовь. Обычно рыбачит он от души.

Многозначительно округляю глаза и тут же едва не задыхаюсь от восторга – Дамир широко улыбается. Впервые. Сердце щемит, пока я как пересохшая губка впитываю в себя его улыбку, смягчившиеся черты лица, блеск в обрамленных длинными ресницами глазах. Вот бы он чаще так улыбался.

– Если учесть, что после рыбалки он планирует еще и заплыв в бассейне, должны вернуться живыми. Спокойной ночи, Маша.

Дамир встает с дивана, и я тут же поднимаюсь следом. Машинально выключаю телевизор и бросаю пульт на диван.

– Ты разве фильм не смотрела? Говорила интересный, – удивляется Дамир.

Блин.

– Не такой уж и интересный, – картинно веду плечами, проходя мимо. – А ты точно не хочешь чаю? – спрашиваю через плечо. – Может, не наелся? Не стесняйся, мне не сложно приготовить.

– Наелся, Маш. Стейк в ресторане был очень сытный.

– Ммм. С друзьями встречался, да? – как можно равнодушнее интересуюсь. Могу же я просто поддерживать беседу.

– Да.

– Отец говорил. Кажется, он произнес имя Ксения. Твоя знакомая?

Останавливаюсь напротив комнаты бабушки, в которой временно ночую, и оборачиваюсь. Дамир притормаживает рядом. В коридоре темно, но благодаря свету из окна я замечаю, как он сжимает губы, как будто силясь не улыбаться.

– Знакомая, – подтверждает, скользя взглядом по моему лицу. Не расстраиваться, Маша. Только не сейчас, – со своим мужем, – добавляет, сбрасывая камень с моего сердца.

Как бы я ни старалась, но сдержать облегченный выдох не получается.

– Всегда приятно встречаться с друзьями, – теперь уже говорю с искренней радостью за Дамира. Ведь это правда, друзья важная составляющая жизни. Особенно, когда они с мужьями.

– Ну да, – произносит он перед тем, как начать подниматься по ступеням. – Спокойной ночи, Маша.

– Спокойной ночи, Дамир.

Глава 11

Дамир

– Ооо, пошёл-пошёл. Кто это тут у нас? – Иван выдергивает из воды удочку и довольно хохочет. – Карасик. Ах ты ж мой хороший. Жирненький, – снимает рыбу с крючка и бросает в ведро.

Рыбалка сегодня и правда выходит продуктивной. То ли погода подходящая, то ли рыбы теряют бдительность, но мы поймали уже почти целое ведро карасей.

Усмехаюсь, наблюдая за искренней радостью Ивана.

– А ну, Дамир, давай плесни-ка нам коньячка, – нанизывая на крючок новую наживку, просит Белов старший, – хороший ты купил. Не то, что мы с мужиками на заводе привыкли пить.

– А зачем печень травить? Уж если пить, то качественный, – выполняю его просьбу.

Стукнувшись пластиковыми стаканчиками, Иван махом опрокидывает свой, а я, сделав несколько глотков, оставляю. Не хочу убиться в хлам. Выпивая в разгар дня на солнце, можно примерно представить, как мы будем возвращаться домой. Один из нас точно должен быть трезвым.

– Качественный – это хорошо. Только дорого, – цокает Иван, – да и вообще, Дамир, зачем ты вчера столько пакетов с едой приволок? Весь холодильник забит.

– Ну и отлично. Ты сегодня планируешь знакомых позвать, вот и подчистим его.

– Да, позовём Михалыча с семьёй, помнишь его?

Киваю. Конечно помню. Он тоже неплохо общался с отцом, пока тот был жив. Да и когда мы с матерью приезжали, Иван всегда звал его с семьёй на праздники тоже. Как не помнить?

Здесь, на окраине, все ближе друг другу. Это не то, что соседи в городе, имён которых ты даже не знаешь и не всегда здороваешься, если пересекаешься в подъезде. Народ там меняется со скоростью света – одни сняли квартиру, другие купили, третьи съехали. А здесь – все друг друга знают с рождения и до самой старости.

– Я поговорить с тобой хотел, Дамир, – закрепив удочку на земле, Иван садится рядом на землю. Тон приобретает серьезный окрас. – Ты давай прекращай нас деньгами спонсировать. Я конечно благодарен, но ты сам не гребешь золото лопатой, на зарплату мента сильно не попикуешь, а зная тебя – леваки ты не возьмёшь. Поэтому давай завязывай с этим. У тебя мать есть, которой тоже помощь нужна.

– Не переживай, Иван, мать не бедствует. И мне хватает. Поэтому пока могу – буду помогать и вам. Скоро твой Степа в школу пойдет, и крыша у тебя вот-вот и начнёт течь. Есть на что потратить.

– А, – махнув рукой, Иван наполняет свой стакан коньяком, – в доме нужен капитальный ремонт. Я подделываю то там, то сям. Сам знаешь, что такое дом и сколько в него нужно расходов. Но ты мне давай зубы не заговаривай. Я серьёзно. Ты не обязан теперь всю жизнь тащить нас на себе. Когда я мог – я помог...

– А теперь могу я, – перебиваю, закрывая тему. Беру стакан в руку и подношу к его, – Иван, не проси меня о том, чего я не сделаю. Пока у меня есть возможность помогать тебе, я буду это делать. И это не из чувства долга. Это потому что мы семья. Когда не стало отца, ты заменил мне его, хотя тебя никто не просил. Мог бы жить себе дальше и поддерживать морально, но ты тратил последние деньги на меня и мать – людей чужих для тебя. Поэтому не говори мне о том, чтобы я перестал тебя поддерживать. Мы – семья. И так будет всегда.

Губы Ивана складываются в тонкую линию, а глаза наполняются блеском. Он рывком притягивает меня к себе и хлопает по спине.

– Ты достойный сын своего отца, Дамир. Марат бы гордился тобой. Он сам был человеком с большой буквы и в тебя вложил честь и достоинство, – выдохнув, он отстраняется и, махнув стаканом, выпивает содержимое. Я тоже делаю несколько глотков. Да, отец действительно был сильным человеком. И честным служителем органов. За что в свое время поплатился. Заметив, как дергается удочка, ставлю стакан и быстро встаю. Ключёт. Пара секунд, и ещё один карась в ведре. – Отлично. Улов сегодня что надо, – довольно констатирует Иван, а потом меняет тему. – Как тебе вообще дома, Дамир? Сильно город изменился?

– В центре – да. А здесь даже турники те же. Помню, как качался на них перед армией. На них уже больше десятка слоев краски, но похоже, никто даже не думает ставить новые.

– Да кому нужна окраина? Центр да. Все-таки людей в городе не мало. Это ж не деревня. Но в центр вкладывают, а в такие районы как наш – нет. Бесперспективно. Вот и рвут когти все отсюда. Кто в центр, а кто вообще в другие города. Машке тоже на месте не сидится. Все хочет кинуть нас с матерью и укатить.

– Пусть попробует. Вдруг что-то получится, – закрепив удочку, опускаюсь на землю.

– Да что у неё может получиться? Вернётся побитой собакой. А то я не знаю, как соседские дети возвращаются. Тоже несутся туда, а потом с опущенной головой домой приезжают.

– Маша не другие, – говорю быстрее, чем успевает сформироваться мысль.

Сам себя одергиваю. Кто я такой, чтобы защищать её? Бросаю взгляд на Ивана, но тот не замечает в моих словах ничего, что могло бы выдать мое истинное отношение. По сути, меня не должны трогать его слова, но то, что девчонке заранее пророчат печальное будущее, мне не нравится. Еще и сравнивают с кем-то.

Да и в чем-то Иван прав. Она слишком наивна и открыта. Эмоции свои скрывать совсем не умеет. Вчера только сколько разных было за несколько минут нашего общения. И обида, и потом эта радость неприкрытая перед тем, как я спать ушёл. Можно было бы не уточнять про мужа Ксени, конечно. Так бы розовые представления обо мне в пух и прах разлетелись, и, может, перестала бы смотреть на меня так, словно я олицетворение её идеала. Подумала бы, что сплю со всеми подряд и вполне вероятно успокоилась. Но не смог. Как только эту потерянность на лице прочёл в коридоре, держать слова за зубами не получилось. А потом как дурак последний ещё минут двадцать улыбку её счастливую в памяти жевал, как жвачку. Растягивал в воспоминаниях момент, с каким ожиданием Маша на губы мои посмотрела. И как меня в ту секунду прошибло таким же желанием попробовать, какие они у неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.